

ИВАН ГРЕШНИК

ПРАВО НА ТИШИНУ

— ТРИЛОГИЯ —
АРХИВ МОЛЧАНИЯ

ПРОШЛОЕ
ВСЕГДА
ОСТАВЛЯЕТ
СЛЕД

Иван Грешник

Право на тишину

<https://litres.ru/74680374>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Невара история принадлежит не тем, кто пережил события, а тем, кто получил право их описывать.

Семнадцатилетняя Лея Вейр работает в Центральном Архиве — системе, где каждому значимому событию соответствует единственная официально признанная версия. Протокол Единства обещал защитить общество от новой катастрофы, но со временем превратился в инструмент контроля: неудобные свидетельства теряют связь с документами, а люди — право быть услышанными.

После обнаружения странных расхождений в записях о гибели отца Лея начинает расследование, которое приводит её к тайным архивам, засекреченным проектам и свидетельствам, способным поколебать основы государства.

Но чем дальше она продвигается, тем яснее становится: официальная версия может быть ложной, а сопротивление — тоже нести ложь. Как отличить правду от подделки? И имеет ли кто-нибудь право решать, какую историю должен помнить весь мир?

Иван Грешник

Право на тишину

Часть

I

. Трещина в архиве

Глава 1. Последняя проверка

Утро в Неваре начиналось беззвучно.

Не потому, что город спал или его жители боялись нарушить тишину. Просто здесь давно научились устранять всё, что могло помешать размеренному течению жизни. Транспорт двигался по расписанию, уличные терминалы не выдавали случайных сообщений, а сигналы переходов звучали с одинаковой продолжительностью. Даже объявления на общественных экранах появлялись в строго установленные минуты, словно само время подчинялось единому распорядку.

В семь часов десять минут над центральной площадью загорелась широкая панель новостей.

«За прошедшие сутки нарушений общественного согласия не зарегистрировано».

Ниже появилась следующая строка:

«Совет Согласия подтверждает: стабильность остаётся главным достижением Невара».

Люди проходили мимо, почти не поднимая глаз. Некоторые замедляли шаг, чтобы дочитать сообщение. Другие продолжали разговоры, не обращая внимания на знакомые формулировки. В городе редко происходило что-то неожиданное, а если происходило, новости появлялись только после проверки.

На остановке двое школьников повторяли материал перед

занятиями. Девочка с короткой косой держала в руках учебный планшет, а мальчик рядом торопливо листал страницы.

— Третий вопрос, — сказала она. — Почему после Раскола было принято решение о создании Протокола Единства?

— Чтобы предотвратить распространение ложных сведений и не допустить повторения конфликтов, вызванных противоречивыми свидетельствами.

— Недостаточно точно. Добавь про единый порядок подтверждения событий.

Мальчик вздохнул и повторил ответ.

— Вот теперь правильно.

— Это всё равно звучит так, будто мы должны благодарить их за то, что нам разрешили помнить историю.

Девочка резко подняла глаза от планшета.

— Тише.

— Что? Я же не сказал ничего плохого.

— Я знаю. Но зачем проверять, насколько далеко можно зайти?

Мальчик пожал плечами. Через несколько секунд они уже обсуждали предстоящую контрольную.

Лея Вейр услышала их разговор, когда выходила из подземного перехода. Она не стала оборачиваться. В их возрасте она тоже задавала вопросы, которые казались безобидными, пока кто-нибудь не объяснял, почему некоторые из них лучше оставлять без ответа.

Тогда ей казалось, что осторожность — это привычка

взрослых. Теперь она понимала, что осторожность можно усвоить раньше, чем научиться отличать её от страха.

На противоположной стороне площади находилось здание Центрального хранилища. Оно возвышалось над соседними постройками широким прямоугольником из серого камня и затемнённого стекла. На фасаде не было ни скульптур, ни декоративных изображений, ни имён основателей. Только эмблема Архива: три тонкие линии, сходящиеся в одной точке.

Лея каждый день проходила под этой эмблемой и никогда не задумывалась, почему линии обязательно должны сходиться.

Возможно, потому, что вся её работа заключалась именно в этом.

Разрозненные свидетельства. Разные даты. Несовпадающие записи. Человеческие ошибки, технические сбои, неверно оформленные документы. Всё следовало проверить, сопоставить и привести к порядку.

Если два документа противоречили друг другу, кто-то должен был выяснить причину.

Если один из них оказывался неверным, его исправляли.

А если неверными оказывались оба, приходилось начинать сначала.

Лея считала эту работу важной. Не потому, что любила правила, — она никогда не испытывала особого удовольствия от инструкций, — а потому, что видела в них способ

защитить людей от произвола. Когда решение основывалось на документах, каждый должен был иметь возможность проверить, как оно было принято.

По крайней мере, так она понимала назначение Архива.

На входе её встретил сканер идентификации. Лея приложила ладонь к стеклянной панели, дождалась короткого сигнала и прошла через турникет.

— Доброе утро, Лея Вейр, — произнёс терминал. — До завершения плановой проверки вашего рабочего фонда осталось четыре часа двадцать минут.

— Я знаю.

— Напоминаем, что успешное завершение проверки является обязательным условием допуска к следующему уровню архивной службы.

— Я помню и это.

Терминал замолчал.

Лея едва заметно улыбнулась. Иногда ей казалось, что автоматические системы обладают удивительным талантом повторять очевидное именно тогда, когда человек меньше всего хочет это слышать.

Внутри здание пахло холодным металлом, пылью и чистящим раствором. В центральном холле почти не было посетителей. Граждане редко приходили в Архив лично: большинство запросов обрабатывалось через городские терминалы, а доступ к первичным документам требовал отдельного разрешения.

Сотрудники двигались по широким коридорам, не задерживаясь у дверей. Над каждым проходом располагалась электронная табличка с указанием сектора и уровня допуска. На стенах висели краткие правила обращения с документами.

Не изменяй запись без основания.

Не утверждай то, чего не можешь подтвердить.

Не скрывай расхождение ради удобства.

Последняя формулировка всегда нравилась Лее больше остальных. Она казалась ей самой честной.

На третьем этаже находился сектор исторических происшествий. Здесь хранились материалы о катастрофах, авариях, судебных разбирательствах и других событиях, которые повлияли на устройство современного государства.

Лея работала в этом секторе восемь месяцев. Она ещё не имела права самостоятельно пересматривать закрытые дела, но могла проверять полноту каталогов, сверять копии и выявлять ошибки в архивной цепочке.

Работа была монотонной. Именно поэтому она подходила ей.

В отличие от людей, документы не обижались на повторные вопросы. Не уставали объяснять одно и то же. Не меняли выражение лица, когда слышали неудобную правду.

Если запись была правильной, она выдерживала проверку.

Если нет — требовала исправления.

Лея включила рабочий терминал, сняла с плеча сумку и достала из неё тонкую тетрадь в тёмной обложке. Ведение личных записок не запрещалось, если они не содержали закрытых сведений. Большинство коллег предпочитали пользоваться электронными напоминаниями, но Лея любила записывать номера от руки.

Ей нравилось ощущение, что мысль существует отдельно от системы, которая могла её сохранить, изменить или удалить.

Она открыла список документов, назначенных на проверку, и принялась за работу.

Первые сорок минут прошли без происшествий.

Один документ содержал неверно указанную дату регистрации. В другом отсутствовала ссылка на приложение, которое давно перенесли в соседний фонд. Третья папка оказалась продублирована в электронном каталоге.

Лея исправляла доступные ошибки и отмечала те, которые требовали подтверждения старшего архивиста.

К половине десятого она проверила почти треть списка.

— Ты опять перепроверяешь уже проверенное?

Голос прозвучал за её спиной.

Лея не обернулась сразу. Она закончила сверку текущей строки, поставила отметку и только после этого повернулась к соседнему рабочему столу.

Там стоял Дариан Кель, сотрудник её отдела. Он работал в Архиве почти пять лет и считал, что главная профессио-

нальная добродетель — не усложнять то, что можно выполнить быстрее.

— Я проверяю то, что назначено на проверку, — ответила Лея.

— Ты проверяешь номера папок, которые система уже сверила автоматически.

— Система сверила номера в электронном реестре. Я проверяю соответствие реестра первичным каталогам.

Дариан посмотрел на её экран.

— И много ты нашла?

— Три ошибки.

— Из скольких записей?

— Из ста двадцати.

— Прекрасно. Ещё немного — и ты спасёшь государство от четвёртой.

Он сказал это без злобы, скорее с привычной усталостью человека, которому не раз приходилось наблюдать, как коллеги тратят время на мелочи.

Лея закрыла одну вкладку и открыла другую.

— Если ошибка незначительная, её можно исправить быстро. Если она повторяется, нужно выяснить причину.

— Причина проста. Люди ошибаются.

— Тогда почему некоторые ошибки исправляются сразу, а другие остаются в реестре годами?

Дариан замолчал.

Лея поняла, что вопрос прозвучал резче, чем она хотела.

Она не собиралась спорить. Просто ей не нравилось, когда точность считали пустой тратой времени.

— Ты слишком серьёзно относишься к своей работе, — наконец сказал он.

— А ты недостаточно серьёзно.

— Вот поэтому я до сих пор живу спокойно.

Он вернулся к своему терминалу.

Лея тоже отвернулась, хотя слова коллеги задели её сильнее, чем она готова была признать.

Жить спокойно.

В Неваре это выражение означало многое. Не привлекать внимания. Не создавать проблем. Не задавать вопросов, на которые невозможно получить официальный ответ.

Но Лея не считала спокойствие высшей ценностью. Она ценила надёжность. А надёжность, как ей казалось, начиналась с готовности признать ошибку.

Она продолжила проверку.

Ближе к одиннадцати система предложила ей следующий документ.

Дело № 7-114. Транспортный узел № 7. Авария с человеческими жертвами.

Лея на секунду замерла.

Номер был ей знаком. Она видела его раньше, хотя не могла вспомнить, когда именно. Возможно, в детстве, когда мать оформляла какие-то документы после смерти отца. Возможно, в старых семейных бумагах, которые Лея почти никогда

не открывала.

Она могла бы пропустить дело и перейти к следующему. Проверка не требовала от неё читать каждый документ полностью — достаточно было убедиться, что все обязательные разделы присутствуют и правильно обозначены.

Но палец уже коснулся экрана.

На рабочей панели открылся стандартный титульный лист.

Дата происшествия: восемь лет назад.

Место: транспортный узел № 7, промышленный сектор.

Причина: техническая неисправность автоматической системы управления.

Статус: дело закрыто.

Ниже располагался список погибших.

Лея нашла нужную строку почти сразу.

Арен Вейр. Технический специалист.

Она долго смотрела на имя.

Восемь лет — достаточный срок, чтобы научиться произносить имя умершего без боли. Достаточный, чтобы привыкнуть к отсутствию человека за семейным столом, к пустому месту в старых фотографиях, к тому, что некоторые вопросы больше не имеют адресата.

Но это не означало, что воспоминания исчезли.

Лея помнила отца фрагментами: его руки, пахнущие машинным маслом; привычку постукивать карандашом по столу, когда он думал; тихий смех, который всегда заставлял её

врасплох. Она помнила, как он однажды разрешил ей разобрать старый измерительный прибор, а потом терпеливо помог собрать его обратно.

Она не помнила его последнего дня.

Ей рассказывали, что Арен отправился на работу, как обычно. Что авария произошла внезапно. Что он пытался помочь другим сотрудникам. Что спасатели прибыли слишком поздно.

В официальном заключении не было ничего необычного.

Лея прочитала его один раз после похорон, потом ещё раз через несколько лет, когда оформляла документы для семьи. С тех пор она старалась не возвращаться к делу.

Не потому, что боялась правды.

Просто ей казалось, что она уже всё знает.

Она медленно выдохнула и вернулась к проверке.

Сначала всё выглядело правильно. Дата регистрации совпадала с датой происшествия. Номер подразделения был указан верно. Подписи присутствовали. Заключение соответствовало утверждённому формату.

Лея почти поставила отметку о завершении, когда заметила маленький символ в нижней части экрана.

Рядом с перечнем свидетелей стояла цифра, выделенная серым цветом.

Дополнительный свидетель: 1.

Она нахмурилась.

В стандартной копии дела, которую она помнила, свиде-

телей было трое. Все они являлись сотрудниками транспортного узла и давали показания о технической неисправности. Ни о каком дополнительном свидетеле в заключении не упоминалось.

Лея открыла список.

На экране появились три имени.

Она пересчитала их.

Три.

Затем вернулась к предыдущей странице. Там по-прежнему значился дополнительный свидетель.

Лея проверила настройки отображения. Возможно, речь шла о свидетеле, чьи показания не вошли в итоговое заключение. Такое случалось, если человек не мог подтвердить обстоятельства происшествия или его сведения не относились к делу.

Она открыла раздел с приложениями.

Ничего.

Открыла историю публикаций.

Доступ ограничен.

Лея попробовала найти дополнительную запись через внутренний поиск. Система выдала сообщение, что сведения не обнаружены в доступном фонде.

Она откинулась на спинку кресла.

Это могло быть обычной ошибкой. Неверно перенесённое число, устаревшая ссылка, остаток старой версии документа. Архивы существовали десятилетиями, и даже самые

надёжные системы иногда сохраняли следы предыдущих редакций.

Но если это была простая ошибка, почему она не исчезла при последней проверке?

Лея снова открыла титульный лист.

Дополнительный свидетель: 1.

На этот раз она заметила ещё одну деталь.

Рядом с цифрой стояла отметка о регистрации. Дата была указана спустя несколько часов после официального закрытия дела.

Она приблизила запись.

Потом ещё раз сверила дату с хронологией.

Внутри неё словно щёлкнул невидимый механизм.

Если свидетель действительно существовал, его показания должны были пройти установленную процедуру. Если показания не были приняты, в деле должна была остаться соответствующая отметка. Если запись внесли после закрытия, должна была существовать ссылка на разрешение, которое позволяло изменить документ.

Но ничего этого не было.

Лея почувствовала, как привычное раздражение от мелкой ошибки постепенно сменяется тревогой.

Она посмотрела на соседние столы. Дариан работал, не обращая на неё внимания. В дальнем конце зала сотрудница раскладывала бумажные каталоги. Всё вокруг оставалось прежним.

Только дело на экране перестало быть для Леи обычным архивным документом.

Она открыла форму внутреннего запроса и начала заполнять поля.

Причина обращения: проверка полноты архивной цепочки.

Основание: несоответствие между титульным листом и перечнем приложений.

Необходимые материалы: история изменений, регистрационная запись дополнительного свидетеля, ссылка на решение о внесении изменений.

Лея перечитала запрос. Формулировки были нейтральными, профессиональными и не содержали никаких предположений о возможном нарушении.

Она не обвиняла никого в подделке.

Она просто хотела выяснить, откуда появилась запись.

Палец завис над кнопкой отправки.

На секунду ей вспомнились слова Дариана: «Вот поэтому я до сих пор живу спокойно».

Лея убрала руку.

Она могла закрыть дело и вернуться к проверке. Возможно, следующий сотрудник обнаружил бы то же несоответствие и исправил его. Возможно, цифра относилась к техническому полю, которое не должно было отображаться в обычной копии.

Но если запись действительно была внесена после закры-

тия дела, то кто-то уже однажды обратил на неё внимание.

И кто-то решил оставить её именно такой.

Лея нажала кнопку.

Запрос исчез с экрана. Несколько секунд ничего не происходило.

Затем терминал издал короткий сигнал.

На рабочей панели появилось сообщение:

Обнаружено несоответствие в архивной цепочке. Доступ временно ограничен.

Лея прочитала его дважды.

Сначала она решила, что ограничение касается только конкретного документа. Такое случалось при обнаружении технических ошибок: система временно блокировала материалы до подтверждения их целостности.

Но затем исчезли ссылки на историю изменений. Через секунду закрылась вкладка с перечнем приложений. Ещё через мгновение рядом с номером дела появился новый значок.

Проверка доступа инициирована.

Лея попыталась открыть документ повторно.

Отказ.

Она ввела номер дела вручную.

Отказ.

Тогда она проверила собственный профиль. Её уровень допуска оставался прежним, однако доступ к нескольким разделам исторического фонда был временно приостанов-

лен.

Это уже не походило на обычную проверку документа.

— Что случилось? — спросил Дариан.

Лея повернулась к нему.

— Система заблокировала доступ к делу.

— Какому?

Она помедлила.

— К аварии на транспортном узле № 7.

Дариан перестал печатать.

Всего на секунду его лицо изменилось, но Лея успела заметить, как исчезла привычная насмешливая улыбка.

— Зачем ты туда полезла?

— Я проверяю полноту документов.

— Лея, я знаю, что ты делаешь. Я спрашиваю, зачем именно это дело.

Она почувствовала, как внутри нарастает раздражение.

— Потому что в нём есть запись, которой не должно быть.

Дариан посмотрел на экран, потом на неё.

— Может быть, ошибка.

— Тогда почему система ограничила доступ?

— Чтобы проверить, ошибка ли это.

— Но если система сама проверяет собственную запись, кто проверит результат?

Он не ответил.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Лея ожидала, что Дариан снова пошутит, назовёт её чрезмерно подо-

зрительной или посоветует не усложнять жизнь. Но он лишь отвёл взгляд.

— Закрой запрос, — сказал он наконец.

— Я не могу. Он уже зарегистрирован.

— Тогда не подавай новых.

— Почему?

Дариан сжал губы.

— Потому что не все вопросы стоит задавать только ради того, чтобы получить ответ.

Он вернулся к работе, ясно давая понять, что разговор окончен.

Лея осталась сидеть неподвижно.

Она не знала, что именно испугало Дариана. Сам факт блокировки? Номер дела? Имя её отца?

Возможно, ей просто показалось, что он испугался. Возможно, он знал, как работают подобные проверки, и не хотел, чтобы коллега попала в неприятности.

Но его слова не выходили у неё из головы.

Не все вопросы стоит задавать только ради того, чтобы получить ответ.

Лея посмотрела на серый экран, где ещё недавно находилось дело Арена Вейра.

Впервые за восемь лет она задумалась не о том, как погиб её отец, а о том, почему официальная история его гибели могла оказаться неполной.

За окном Центрального хранилища город продолжал

жить по расписанию. На площади сменилось сообщение. Транспорт прибывал вовремя. Школьники расходились по классам. Где-то диктор спокойным голосом рассказывал о преимуществах Протокола Единства.

Всё оставалось на своих местах.

И всё же Лея впервые почувствовала, что порядок, которому она доверяла, может быть не доказательством правды, а лишь результатом того, что кто-то сумел закрыть доступ к неправильному вопросу.

Она открыла личную тетрадь и записала номер дела.

Рядом поставила дату.

Затем добавила три короткие строки:

Дополнительный свидетель.

Регистрация после закрытия.

Доступ ограничен после запроса.

Лея перечитала записи и закрыла тетрадь.

Она ещё не знала, что будет делать дальше. Не знала, кто изменил документ, существовал ли дополнительный свидетель и почему система отреагировала так быстро.

Но теперь у неё был вопрос, от которого невозможно было отделаться простым объяснением.

И впервые в жизни она не была уверена, что Архив поможет ей найти ответ.

Глава 2. Дело, которого нет

Утром следующего дня Лея пришла в Центральное хранилище на двадцать минут раньше обычного.

Она почти не спала. Не потому, что боялась последствий вчерашнего запроса, — по крайней мере, именно так она объясняла себе своё состояние. Её мучило несоответствие. Одна маленькая цифра, не имевшая подтверждения ни в одном доступном документе, заставляла сомневаться в деле, которое восемь лет считалось закрытым.

Лея привыкла к ошибкам. Она знала, что люди неправильно переносят даты, путают номера, забывают приложить подписи. Даже автоматические системы иногда сохраняли устаревшие данные после обновления каталогов. Но у каждой ошибки была причина, а у каждой исправленной записи — след.

Вчера система не предложила исправить несоответствие. Она ограничила доступ.

Именно это не давало Лее покоя.

На входе терминал подтвердил её личность и сообщил, что временные ограничения на рабочем профиле остаются в силе. Голос устройства был таким же спокойным, как всегда.

— Доброе утро, Лея Вейр. Напоминаем, что соблюдение архивной процедуры обеспечивает достоверность общественных сведений.

— Спасибо за напоминание, — пробормотала она.
Терминал не ответил.

На третьем этаже уже работали несколько сотрудников. Дариан сидел за своим столом и пил горячий напиток из металлической кружки. Увидев Лею, он поднял глаза, но ничего не сказал. Она тоже не стала начинать разговор.

Ей хотелось верить, что вчерашняя реакция коллеги была случайной. Возможно, он просто знал о правилах, которые ей ещё не приходилось применять на практике. Возможно, ограничение доступа действительно было стандартной мерой безопасности.

Но если так, почему он посоветовал ей прекратить поиски?

Лея включила терминал и проверила рабочие уведомления. За ночь система обработала её запрос, присвоила ему регистрационный номер и направила в подразделение контроля архивной целостности.

Решение по запросу отсутствовало.

Зато появилось новое уведомление:

До завершения проверки запрещается инициировать дополнительные обращения, связанные с делом № 7-114, без согласования со старшим архивистом.

Лея перечитала сообщение.

Она не собиралась нарушать запрет. Пока ей не требовалось обращаться к закрытым документам. Она хотела лишь проверить открытые сведения и выяснить, откуда появилась

отметка о дополнительном свидетеле.

Если запись была ошибочной, следы ошибки должны были сохраниться в каталоге.

Она открыла общий индекс бумажных документов.

Центральное хранилище существовало задолго до появления нынешней системы электронного учёта. Первые архивы Невара велись на бумаге, затем их постепенно переводили в цифровой формат. Даже после оцифровки часть оригиналов продолжала храниться в специальных помещениях: их использовали для проверки подлинности, если электронные копии вызывали сомнения.

Лея ввела номер дела.

На экране появилась карточка с кратким описанием аварии. В списке приложений значились заключение комиссии, три свидетельских показания и акт технической экспертизы.

Ниже находилась строка, которой не было в цифровой копии.

Приложение 4. Дополнительное свидетельство. Индекс: ТУ-7/С-04.

Лея выпрямилась.

Значит, запись существовала не только на титульном листе. В бумажном каталоге сохранилась ссылка на отдельное приложение.

Она открыла карточку приложения. Система сообщила, что документ не оцифрован.

Это само по себе не было нарушением. Старые материалы

иногда оставались в бумажном виде, особенно если их состояние не позволяло провести обычное сканирование. Но рядом с номером приложения стояла дополнительная отметка:

Статус: исключено из состава дела.

Лея почувствовала, как внутри снова возникает знакомое напряжение.

Документ не просто отсутствовал в цифровой копии. Его исключили из официального состава дела.

Она проверила дату. Решение об исключении было зарегистрировано через несколько часов после закрытия расследования.

Лея открыла календарь и сверила время.

Сначала комиссия утвердила заключение. Затем дело получило статус закрытого. И только после этого из его состава исключили свидетельство.

Она ещё раз просмотрела последовательность записей. Всё было зафиксировано в системе. Никто не пытался скрыть сам факт изменения — по крайней мере, не до конца. Но причина изменения отсутствовала.

Лея сделала запись в тетради.

Приложение 4 существовало. Позже исключено из состава дела. Основание не указано.

Она остановилась, посмотрела на строку и добавила:

Проверить бумажный оригинал.

Это было следующим логичным шагом.

Однако для доступа к оригиналу требовалось разрешение

старшего архивиста.

Лея закрыла каталог и посмотрела на часы. До начала обязательной проверки оставалось меньше трёх часов. Она могла потратить это время на обычные документы, завершить работу и дожидаться решения по запросу.

Но тогда она не узнала бы ничего нового.

Она открыла форму обращения к руководителю сектора и кратко описала обнаруженное расхождение. Не использовала слов «подделка», «сокрытие» или «нарушение». Её запрос касался исключительно происхождения приложения и отсутствия основания для его исключения.

Перед отправкой Лея несколько раз перечитала текст.

Она понимала, что каждое её действие теперь фиксируется. Но пока не нарушала ни одного правила. Она не открывала закрытых материалов, не копировала документы и не пыталась обойти ограничения.

Она лишь просила объяснить, почему в официальном каталоге значился документ, которого не было в официальном деле.

Лея нажала кнопку отправки.

Ответ пришёл через четыре минуты.

Запрос передан старшему архивисту сектора. Ожидайте решения.

Она вернулась к плановой проверке, но теперь работала медленнее. Всякий раз, когда на экране появлялась запись с неполной историей изменений, она вспоминала дело отца.

Около десяти часов к её столу подошёл Дариан.

— Ты всё-таки продолжила?

— Я направила запрос руководителю.

— Это одно и то же.

— Нет. Я не обращалась к закрытым материалам.

Дариан оглянулся на соседние столы, прежде чем заговорить снова.

— Ты понимаешь, что сейчас происходит?

— Нет. Поэтому и пытаюсь выяснить.

Он провёл ладонью по лицу.

— Иногда старые документы остаются в каталогах после того, как их исключают из дела. Это не означает, что кто-то пытался что-то скрыть.

— Я не говорю, что пытался.

— Но ты именно это предполагаешь.

Лея посмотрела на него.

— Дариан, если бы в твоём отчёте стояло приложение, которого никто не видел, ты бы не захотел узнать, что с ним случилось?

Он не ответил сразу.

— Если бы это был мой отчёт, я бы сначала спросил у человека, который за него отвечал.

— А если этот человек больше не работает в Архиве?

— Тогда я бы проверил процедуру.

— Я и проверяю процедуру.

Дариан вздохнул.

— Ты не понимаешь. Сам факт, что запись сохранилась, ещё ничего не доказывает.

— Я знаю.

— Тогда почему не можешь оставить её в покое?

Лея отвела взгляд к экрану.

Она могла бы объяснить, что дело касалось её отца. Что она не собиралась обвинять кого-либо без доказательств. Что её беспокоило не само отсутствие документа, а последовательность действий, в результате которых он исчез из официальной истории.

Но почему-то ей не хотелось произносить эти слова вслух.

Пока она говорила о работе, всё выглядело разумно. Стоило упомянуть отца — и расследование превращалось в личное дело, а её вопросы могли списать на горе, которое она так и не преодолела.

— Я хочу понять, что произошло, — сказала она.

Дариан покачал головой.

— Тогда надеюсь, что ты найдёшь ответ, который тебя устроит.

Он вернулся к своему столу.

Лея посмотрела ему вслед. В его голосе не было угрозы. Скорее усталость человека, который уже сталкивался с подобными ситуациями и предпочитал не вспоминать о них.

Это настораживало сильнее, чем открытая враждебность.

В одиннадцать двадцать пришло уведомление от старшего архивиста.

Явиться в кабинет руководителя сектора.

Лея поднялась, захватила тетрадь и направилась по коридору к служебным кабинетам.

Руководителя сектора звали Оррен Маль. Он работал в Центральном хранилище почти двадцать лет и пользовался репутацией человека, который редко принимал решения без тщательной проверки. Лея встречала его на общих собраниях, но никогда не разговаривала с ним наедине.

Его кабинет был небольшим и почти лишённым личных вещей. На стене висела схема архивной структуры, а на столе лежали несколько папок, аккуратно выровненных по краю.

— Садитесь, Лея, — сказал он.

Она села напротив.

Оррен открыл её запрос на своём терминале.

— Вы обнаружили несоответствие в деле о транспортной аварии восьмилетней давности.

— Да.

— И считаете, что приложение было исключено без надлежащего основания.

— Я не могу утверждать, что основание отсутствовало. Я могу утверждать, что его нет в доступных мне записях.

Оррен поднял глаза.

— Это существенная разница.

— Именно поэтому я обратилась к вам.

Он несколько секунд изучал экран, затем открыл бумажный индекс. Лея наблюдала за его лицом, стараясь понять,

узнаёт ли он номер приложения.

Его выражение почти не изменилось. Только пальцы на мгновение остановились над клавиатурой.

— Старые документы иногда содержат технические дубликаты, — сказал он. — При переводе архивов в цифровой формат часть промежуточных записей могла сохраняться в каталоге. Позже такие записи исключали из состава дела.

— Но приложение зарегистрировано после закрытия дела.

— Время регистрации не всегда совпадает со временем создания документа.

— Тогда должна существовать ссылка на первоначальную запись.

— Не обязательно, если документ был признан дубликатом.

— А где решение о признании его дубликатом?

Оррен снял очки и аккуратно положил их на стол.

— Лея, я понимаю ваше желание разобраться. Вы молодой специалист, и внимательность — полезное качество. Но вы должны помнить, что архивы формировались десятилетиями. Не каждый след в каталоге имеет самостоятельное значение.

— Я согласна. Но почему тогда доступ к делу ограничили после моего запроса?

— Потому что вы обнаружили несоответствие, которое требует проверки. Это стандартная процедура.

— А кто проводит проверку?

— Подразделение архивной целостности.

— И оно проверяет, почему документ исчез из архива?

— Оно проверяет, соответствует ли запись установленным требованиям.

Лея помолчала.

Ответ был формально точным. И всё же он не отвечал на её вопрос.

— Я хотела бы ознакомиться с бумажным оригиналом приложения.

Оррен посмотрел на неё внимательнее.

— Для этого потребуется отдельное разрешение.

— Я готова подать запрос.

— Не думаю, что это необходимо.

— Почему?

— Потому что у вас пока нет оснований считать, что приложение действительно содержало сведения, относящиеся к делу.

Лея почувствовала, как напряглись плечи.

— Но сама запись о приложении существует.

— Запись о приложении существует, — согласился Оррен. — Это не то же самое, что существование достоверного свидетельства.

Он произнёс это спокойно, без раздражения. Возможно, он действительно пытался помочь ей избежать ненужных осложнений. Возможно, ему казалось, что молодой сотруд-

нице следует объяснить границы её полномочий.

Но именно спокойствие его ответа заставило Лею усомниться.

Если приложение было обычным дубликатом, почему никто не мог показать решение об исключении?

Если документ не имел значения, почему система так быстро ограничила доступ?

И если вопрос действительно был незначительным, почему старший архивист советовал не продолжать проверку?

— Я понимаю, — сказала Лея.

Оррен вернул очки на место.

— Хорошо. Тогда я рекомендую вам закрыть запрос и продолжить плановую проверку. Когда подразделение архивной целостности завершит работу, вы получите уведомление.

— А если оно не найдёт первоначальную запись?

— Тогда в деле останется отметка об отсутствии подтверждения.

— И это будет считаться достаточным?

— Для архивной процедуры — да.

Лея посмотрела на него.

— Но отсутствие подтверждения не доказывает, что свидетельства никогда не существовало.

На этот раз Оррен не ответил сразу.

В кабинете стало слышно, как за стеной работает вентиляционная система.

— Верно, — сказал он наконец. — Но отсутствие подтверждения также не даёт вам права утверждать обратное.

Лея опустила глаза.

Он был прав.

Это раздражало сильнее всего.

У неё действительно не было доказательства преступления. Не было самого свидетельства, не было показаний свидетеля, не было подтверждения того, что исключение документа было незаконным. Были только записи, которые не складывались в единую картину.

Она не могла обвинить Архив в сокрытии правды лишь потому, что не понимала происходящего.

Но и перестать задавать вопросы не могла.

— Я могу хотя бы получить официальный ответ о причине исключения приложения? — спросила она.

— Вы получите ответ по зарегистрированному запросу.

— Даже если причина не будет установлена?

— В таком случае вам сообщат, что причина не установлена.

Лея кивнула.

Разговор был окончен. Она поднялась, поблагодарила Оррена и вышла из кабинета.

В коридоре ей показалось, что она потратила время впустую. Старший архивист не угрожал ей, не запрещал работать и не отрицал существования записи. Он просто объяснил, что найденное несоответствие пока ничего не доказы-

вает.

Возможно, именно так всё и обстояло.

Возможно, она слишком остро реагировала на документы, связанные с отцом.

Лея вернулась к своему столу и попыталась сосредоточиться на плановой проверке. Она завершила ещё несколько записей, исправила пропущенные ссылки и подготовила отчёт о найденных технических ошибках.

Но мысли постоянно возвращались к приложению номер четыре.

После полудня система прислала предварительный ответ по её запросу.

Дополнительное свидетельство исключено из состава дела в связи с отсутствием подтверждения его процессуального статуса. Дополнительные сведения не требуются.

Лея медленно прочитала сообщение.

Отсутствие подтверждения его процессуального статуса.

Формулировка выглядела убедительно, но не объясняла ничего. Она лишь повторяла, что документ был исключён, потому что его статус не был подтверждён.

Лея открыла карточку приложения ещё раз.

В ней по-прежнему значились номер, дата регистрации и отметка об исключении. Ни имени свидетеля, ни описания его показаний, ни ссылки на решение комиссии не было.

Она решила проверить сам индекс.

ТУ-7/С-04.

Транспортный узел № 7. Свидетель. Номер четыре.

Лея ввела обозначение в общий каталог.

На экране появилось несколько результатов, но ни один не относился к делу об аварии. Она уточнила поиск, добавила дату происшествия, затем номер архивного фонда.

Система предложила один документ.

Технический журнал транспортного узла № 7.

Лея замерла.

Она открыла карточку.

Документ был зарегистрирован за несколько лет до аварии и использовался для фиксации команд управления, состояния оборудования и времени технических событий. Это был не протокол допроса и не свидетельское показание.

Но индекс совпадал.

Она проверила номер ещё раз: ТУ-7/С-04.

Тот же код, который значился в карточке исключённого свидетельства.

Возможно, это было совпадением. Возможно, старый индекс использовали для нескольких видов документов. Архивная система существовала давно, и обозначения могли меняться.

Лея открыла историю каталога.

В первой редакции документ назывался иначе:

Журнал регистрации событий. Секция 4.

В последующей версии название изменили на «Технический журнал транспортного узла № 7».

Она посмотрела на дату изменения.

Запись была сделана через несколько часов после закрытия дела об аварии.

Лея почувствовала, как холодеют пальцы.

Теперь у неё было не одно несоответствие, а несколько связанных между собой записей. Дополнительное свидетельство. Исключённое приложение. Технический журнал. Изменение названия после закрытия дела.

Она пока не знала, что связывало их между собой. Не знала, существовал ли свидетель на самом деле и почему его индекс совпадал с номером технического документа.

Но впервые возникла возможность, что речь шла не об ошибке в одном деле.

Возможно, кто-то использовал одну и ту же запись в двух разных частях архива.

Лея нажала на ссылку технического журнала.

Экран мигнул.

Появилось предупреждение:

Документ относится к закрытому техническому фонду. Для доступа требуется специальное разрешение.

Ниже была указана причина ограничения:

Доступ запрещён в соответствии с распоряжением Управления согласования.

Лея откинулась на спинку кресла.

В зале по-прежнему было тихо. Сотрудники занимались своими делами. Дариан что-то печатал, не поднимая головы.

За стеклянной стеной проходили посетители, направлявшиеся в отдел обслуживания граждан.

Ничего вокруг не изменилось.

Изменилось только то, что Лея теперь знала: в деле её отца существовала запись, которую исключили из официального состава, а связанный с ней технический журнал был закрыт по распоряжению ведомства, проверявшего её собственный запрос.

Она открыла тетрадь и записала новый номер.

Технический журнал ТУ-7/С-04. Доступ запрещён.

Под ним добавила:

Выяснить, почему индекс свидетельства совпадает с индексом технического журнала.

Лея закрыла тетрадь.

Она ещё не могла назвать происходящее заговором. У неё не было права даже утверждать, что кто-то намеренно скрывал сведения. Но теперь она понимала, что дело отца нельзя считать обычной архивной ошибкой, пока не будет объяснено происхождение этой записи.

Впервые за два дня она почувствовала не только тревогу, но и ясность.

Она знала, какой вопрос задаст следующим.

И знала, что ответ на него находится за пределами её нынешнего доступа.

Глава 3. Запрос под наблюдением

Лея переписала формулировку запроса трижды.

Первый вариант показался ей слишком прямым. Во втором она упомянула исключённое свидетельство, и система автоматически выделила эту часть текста жёлтым цветом, предложив заменить формулировку на более нейтральную. Третий вариант был настолько осторожным, что почти перестал походить на вопрос.

Она перечитала его ещё раз.

«В рамках проверки полноты документации по закрытому делу ТУ-7/С-04 прошу предоставить доступ к техническому журналу транспортного узла № 7 для сопоставления временных отметок и проверки соответствия архивных записей установленному порядку регистрации».

Ни слова о смерти отца. Ни слова о том, что технический журнал исчез из состава дела. Ни даже намёка на подозрение, что кто-то намеренно изменил документы.

Только проверка полноты.

Обычная работа архивиста.

Лея задержала палец над кнопкой отправки.

Ей хотелось верить, что осторожная формулировка действительно имеет значение. Что система различает праздное любопытство и профессиональную необходимость, а человек, который задаёт вопрос, не становится подозрительным

только потому, что ответ на него неудобен.

Она нажала кнопку.

На экране появилось сообщение:

ЗАПРОС ПРИНЯТ. ОЖИДАЙТЕ РЕШЕНИЯ.

Лея откинулась на спинку кресла. В читальном зале Центрального архива было тихо. За высокими окнами двигались по установленным маршрутам транспортные капсулы, на соседней улице рабочие меняли световые панели общественного табло. Всё происходило так, словно город был огромным механизмом, в котором каждая деталь знала своё место.

Ей всегда нравилось это ощущение порядка.

В детстве отец говорил, что хороший механизм не тот, в котором никогда ничего не ломается, а тот, в котором можно понять, почему произошла поломка.

Тогда Лея не видела противоречия между его словами и окружающим миром.

Теперь она всё чаще замечала, что Невар предпочитал другой принцип: если поломка не вписывалась в установленную схему, следовало проверить не механизм, а формулировку неисправности.

На экране сменился статус.

ЗАПРОС ОТКЛОНЁН.

Лея выпрямилась.

Она не успела даже открыть соседнее окно. Решение появилось менее чем через минуту после отправки.

Под заголовком находилось пояснение:

«Запрошенные материалы не относятся к текущим должностным обязанностям сотрудника. Оснований для предоставления дополнительного доступа не выявлено. Повторное обращение по аналогичному вопросу возможно после согласования с непосредственным руководителем».

Она перечитала уведомление.

Потом ещё раз.

Технический журнал был связан с делом, которое она проверяла. Она не просила открыть весь архив транспортного узла и не собиралась изучать документы, не имеющие отношения к её работе. Ей требовалась одна запись, чтобы сопоставить время двух событий.

Но система решила, что это не входит в её обязанности.

Лея открыла историю обработки запроса. Обычно там отображались этапы проверки, ответственный отдел и время принятия решения. Сейчас список состоял из двух строк: регистрация обращения и отклонение.

Между ними не было ни имени сотрудника, ни отметки о рассмотрении.

Будто запрос не изучали вовсе.

Будто ответ существовал ещё до того, как она задала вопрос.

Она закрыла окно и попыталась вернуться к обычной работе. На столе оставались три дела, ожидавшие проверки, а до конца смены было достаточно времени, чтобы закончить хотя бы два из них. Лея открыла первое дело, сверила но-

мер документа с реестром, исправила пропущенную ссылку и поставила отметку о завершении.

Затем открыла второе.

Прочитала первую строку.

И не поняла ни слова.

Она снова посмотрела на уведомление об отказе. Ей казалось, что за его безупречно нейтральными формулировками скрывается нечто большее, чем обычная бюрократическая перестраховка. Но доказательств у неё не было. Отказ мог оказаться результатом автоматической проверки. Ограничение доступа могло действовать давно. А совпадение индексов ещё не означало, что документы намеренно связывали между собой.

Она знала это.

Именно поэтому не могла просто забыть о журнале.

В правом углу экрана возникло новое сообщение.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА БЕСЕДУ

Сотруднику Лее Вейр предлагается явиться в административный сектор Центрального архива для уточнения обстоятельств обращения к материалам ограниченного доступа.

Время: 11:40.

Место: кабинет 3-17.

Продолжительность: 15 минут.

Ответственный представитель: Управление согласования.

Лея медленно перечитала последнюю строку.

Управление согласования.

Она знала, чем занималось это ведомство. Его сотрудники определяли порядок обращения с противоречивыми сведениями, утверждали правила проверки документов и следили за соблюдением Протокола Единства. В учебных материалах Управление описывалось как защитный контур архивной системы: не хранилище и не суд, а механизм, который не позволял непроверенным сведениям превращаться в общественные факты.

На лекциях это звучало разумно.

Если каждый мог объявить собственную версию события истинной, доверие к документам исчезло бы. Если архивы заполнились бы слухами, подделками и противоречивыми показаниями, люди перестали бы понимать, чему верить. Именно поэтому существовали правила подтверждения, проверки происхождения материалов и исключения записей, не прошедших установленную процедуру.

Лея никогда не считала эти правила бессмысленными.

Но ей не приходилось задумываться, почему некоторые документы исключались без возможности повторной проверки.

Она приняла приглашение.

В тот же момент сообщение исчезло, а внизу экрана появилась отметка:

«Благодарим за соблюдение административного порядка».

Лея посмотрела на часы. До встречи оставалось двадцать семь минут.

Она поднялась и направилась к архивному стеллажу, чтобы проверить одно из дел, поступивших утром. Ей требовалось занять руки и заставить себя думать о чём-нибудь другом.

По дороге она остановилась у рабочего места Ниры Эст.

Нира была старше Леи на несколько лет и работала в Центральном архиве почти пять лет. Она знала расположение старых фондов лучше многих старших сотрудников, помнила, какие бумажные каталоги ещё не перенесли в цифровую систему, и охотно помогала новичкам. Именно она несколько месяцев назад показала Лее, как искать первоначальные индексы документов, если их заголовки менялись после регистрации.

Без Ниры Лея, вероятно, не заметила бы совпадения между номером свидетельства и техническим журналом.

— Нира, можно тебя на минуту?

Женщина не подняла головы. Она сортировала электронные карточки, передвигая их по экрану быстрыми, привычными движениями.

— Если по вчерашнему фонду, я уже отправила тебе ссылку.

— Не по нему. Я хотела уточнить кое-что о старых технических журналах. Ты говорила, что раньше их регистрировали отдельно от основных дел.

Руки Ниры замерли.

Всего на мгновение, но Лея заметила.

— Говорила?

— Да. Когда мы разбирали фонд за предыдущий период.

Нира нажала несколько клавиш, закрыла карточку и наконец посмотрела на неё. В её взгляде не было раздражения. Скорее, усталость человека, которому задали вопрос в неподходящий момент.

— Лея, я сейчас занята.

— Это займёт минуту.

— Тогда напиши официальный запрос.

Лея невольно усмехнулась.

— Я написала.

— Значит, тебе ответят.

— Уже ответили.

Нира отвела глаза.

— Вот и хорошо.

Она произнесла это слишком быстро.

— Ты знаешь, почему мне отказали?

— Откуда мне знать?

— Потому что я запросила технический журнал, связанный с закрытым делом?

Нира аккуратно сложила руки на столе.

— Я не занимаюсь согласованием доступа.

— Я и не говорю, что занимаешься. Я просто спрашиваю, не сталкивалась ли ты с подобным раньше.

Несколько секунд Нира молчала. Затем повернула экран к себе и открыла следующую карточку.

— Лея, послушай. Ты хороший архивист. Внимательная. Ты замечаешь то, мимо чего другие проходят. Это полезное качество, если правильно им пользоваться.

— А если неправильно?

— Тогда оно мешает тебе работать.

Ответ прозвучал спокойно, почти доброжелательно.

Лея почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Я хочу проверить один документ.

— Ты уже подала запрос.

— И его отклонили раньше, чем кто-либо успел его рассмотреть.

Нира резко подняла глаза.

На этот раз в её лице что-то изменилось. Не страх даже, а мгновенное осознание того, что разговор зашёл дальше, чем следовало.

Она оглянулась на соседние столы, хотя никто из коллег не смотрел в их сторону.

— Не говори так громко.

— Здесь никого нет.

— Здесь всегда кто-нибудь есть.

Нира снова повернулась к экрану.

— Мне нужно закончить работу, Лея.

Это был конец разговора.

Лея постояла ещё секунду, ожидая, что Нира добавит что-

нибудь, объяснит свою реакцию или хотя бы посмотрит на неё. Но женщина продолжала работать, словно рядом никого не было.

Лея вернулась к своему столу.

Она не знала, что произошло. Возможно, Нира просто не хотела связываться с закрытыми делами. Возможно, боялась, что её втянут в чужую проверку. Возможно, сама когда-то задавала подобные вопросы и теперь предпочитала не вспоминать об этом.

Но раньше Нира никогда не отказывалась разговаривать с ней.

Теперь отказывалась.

Лея села и открыла список назначенных встреч. Кабинет 3-17 находился в административном секторе, на третьем этаже. До него было всего два коридора и один пропускной пункт, однако дорога показалась ей длиннее обычного.

В 11:37 она завершила текущую проверку, сохранила изменения и закрыла рабочую сессию.

В 11:39 прошла через пропускной пункт.

В 11:40 постучала в дверь кабинета.

— Войдите, — раздался голос.

За столом сидел мужчина лет сорока пяти в тёмной форме Управления согласования. На его груди не было ни наград, ни знаков особого отличия — только служебная эмблема ведомства и небольшой идентификатор. На столе стоял стакан воды, рядом лежал тонкий планшет. Окно за его спиной вы-

ходило на внутренний двор, где сотрудники проходили между корпусами, не задерживаясь и не разговаривая.

Мужчина поднялся.

— Лея Вейр?

— Да.

— Присаживайтесь. Меня зовут Равен Орс. Я курирую вопросы соблюдения архивных процедур в нескольких подразделениях Центрального архива.

Он указал на кресло напротив.

Лея села.

Равен не выглядел ни суровым, ни особенно приветливым. В его голосе слышалась спокойная уверенность человека, привыкшего решать вопросы без лишних эмоций.

— Благодарю, что нашли время. Надеюсь, приглашение не доставило вам неудобств.

— Нет.

— Хорошо. Я хотел бы обсудить ваш запрос по материалам транспортного узла № 7. Насколько я понимаю, речь идёт о техническом журнале, который вы хотели изучить в связи с закрытым делом.

— Да.

Равен коснулся планшета. На его поверхности появились строки документа.

— Вы указали, что хотите проверить полноту архивной документации и сопоставить временные отметки. Формулировка корректная. Само по себе обращение к дополнитель-

ным материалам не является нарушением. Но в данном случае запрошенные сведения находятся за пределами вашего текущего допуска.

— Я понимаю, что доступ ограничен. Поэтому и подала официальный запрос.

— Разумеется. Вы поступили правильно.

Он сказал это без тени иронии.

Лея ожидала упрёка, напоминания о дисциплине или хотя бы сухого перечисления правил. Вместо этого Равен говорил так, словно встреча была обычной консультацией.

— Центральный архив работает с документами, которые могут влиять не только на отдельные исследования, но и на общественное понимание событий, — продолжил он. — Поэтому мы обязаны учитывать не только содержание материалов, но и условия, в которых они были созданы, проверены и признаны достоверными.

— Я не собиралась использовать журнал вне служебной проверки.

— Я не сомневаюсь в ваших намерениях.

Лея посмотрела на него внимательнее.

— Тогда почему запрос отклонили?

— Потому что доступ определяется не намерениями сотрудника, а его полномочиями и задачами подразделения. Это важное различие.

— Но если я проверяю полноту закрытого дела, разве технический журнал, связанный с этим делом, не может отно-

ситься к моей работе?

Равен слегка улыбнулся.

— Может. При наличии соответствующего основания и согласования. Но не всякая связь между документами означает, что один документ должен входить в состав другого.

Он говорил убедительно. Более того, его аргументы имели смысл. Лея сама не раз видела, как отдельные фрагменты вырывали из контекста и использовали для подтверждения выводов, которых исходные материалы не позволяли сделать.

— Архивная дисциплина, — продолжил Равен, — защищает граждан от недостоверных сведений. Мы не можем позволить, чтобы случайное совпадение дат или индексов становилось основанием для сомнений в официальных записях. Особенно если речь идёт о событиях, которые уже прошли проверку.

— Но если в записях действительно есть несоответствие?

— Тогда оно должно быть рассмотрено в установленном порядке.

— Я именно этого и хочу.

— И это похвально.

Он снова коснулся планшета, затем отложил его в сторону.

— Послушайте, Лея. Ваше личное дело показывает хорошие результаты. Вы внимательны, быстро осваиваете новые фонды, аккуратно работаете с первичными источниками. Такие сотрудники нужны архиву. Я бы не хотел, чтобы

излишне широкий интерес к материалам, которые пока не входят в ваши задачи, отвлѣк вас от профессионального развития.

Лея ощутила неприятный холод в груди.

Это не было угрозой. Равен не повышал голос, не говорил о последствиях и не ставил под сомнение её способности. Он даже похвалил её.

Но за словами о профессиональном развитии угадывался выбор, который ей предлагали сделать: оставаться хорошим архивистом или продолжать задавать вопросы, не предусмотренные должностной инструкцией.

— Вы предлагаете мне отказаться от запроса? — спросила она.

— Я предлагаю вам не делать поспешных выводов. Запрос уже рассмотрен. Если у вас появятся дополнительные основания, вы сможете обратиться повторно через своего руководителя.

— А если основания связаны с тем, что я не могу увидеть без доступа к журналу?

Равен не ответил сразу.

На мгновение его лицо стало совершенно неподвижным.

— Тогда вам следует определить, какие именно сведения вы уже можете подтвердить, а какие пока остаются предположениями.

Лея опустила взгляд на собственные руки. Она знала этот принцип. Его преподавали всем архивистам с первого года

обучения. Нельзя утверждать то, что не доказано. Нельзя подменять факт догадкой. Нельзя считать отсутствие документа доказательством сокрытия.

Но она не утверждала, что журнал скрывают. Она хотела его увидеть.

— Я не делала никаких выводов, — сказала она. — Я обнаружила совпадение индексов и изменение названия записи после закрытия дела. Это факты.

— Факты, которые требуют контекста.

— Именно поэтому я запросила журнал.

Равен чуть наклонил голову. Он не выглядел раздражённым. Скорее, оценивал её ответ, словно проверял не только правильность формулировки, но и то, насколько хорошо она понимала смысл собственного вопроса.

— Вы знаете, что произошло с транспортным узлом № 7?

— В деле указана техническая неисправность.

— И вы считаете, что запись неполная?

— Я считаю, что мне неизвестно, почему один из связанных документов был исключён из дела.

— Это не одно и то же.

— Нет. Не одно.

Мужчина удовлетворённо кивнул.

— Хорошо. Значит, вы понимаете разницу.

Он снова посмотрел на планшет, словно собирался завершить беседу, но затем задал вопрос, который Лея почему-то почувствовала заранее.

— Почему вас заинтересовало именно это дело?

Она могла ответить просто. Потому что это дело её отца. Потому что восемь лет назад ей сообщили о технической неисправности, и с тех пор никто не объяснил, почему некоторые детали происшествия так и остались неизвестными. Потому что отец был специалистом, который умел находить ошибки в механизмах, и ей хотелось понять, что именно он обнаружил перед смертью.

Но ни один из этих ответов не подходил для официальной беседы.

Лея посмотрела на Равена.

— Потому что я обнаружила несоответствие в документах.

— Только поэтому?

— Это достаточная причина для архивиста.

Он не улыбнулся.

— Разумеется. Но вы ведь понимаете, что не каждое несоответствие обязательно указывает на скрытое событие. Иногда документы изменяются из-за технических ошибок, иногда сведения переносятся в другой фонд, иногда первоначальная запись признаётся некорректной. Система состоит из множества взаимосвязанных частей. Нельзя предполагать намеренное вмешательство всякий раз, когда обнаруживается расхождение.

— Я не предполагаю намеренного вмешательства.

— Пока нет?

Вопрос прозвучал мягко. Почти как уточнение, которое можно было бы услышать от преподавателя во время экзамена.

Лея почувствовала, как напряглись плечи.

Равен продолжил:

— Я спрашиваю не для того, чтобы поставить вас в неудобное положение. Мне важно понять, как вы подходите к работе. Иногда внимательность превращается в стремление найти закономерность там, где её нет. Человек замечает одну деталь, затем вторую, начинает связывать их между собой — и постепенно любая новая информация воспринимается как подтверждение первоначального подозрения.

Лея знала, о чём он говорит. Это действительно происходило. Она видела, как исследователи выстраивали сложные теории на основании нескольких совпадений, а затем игнорировали сведения, которые не укладывались в их картину.

Но существовала и обратная опасность: когда человек слишком сильно доверял установленной версии, любое свидетельство, противоречащее ей, автоматически объявлялось ошибочным.

— Вы считаете, что я ищу подтверждение заранее принятому выводу? — спросила она.

— Я считаю, что вам следует быть осторожной.

— Я и так осторожна.

— В этом я не сомневаюсь.

Равен произнёс это настолько искренне, что Лея на секун-

ду растерялась.

Он не пытался убедить её в том, что она не права. Он не доказывал, что в документах всё в порядке. Он лишь снова и снова возвращал разговор к её обязанностям, к правилам проверки, к необходимости не делать выводов.

И каждый раз оставлял за собой возможность сказать, что ничего не запрещал.

— Есть ещё один момент, — добавил он. — Ваш отец работал в транспортной системе. Верно?

Лея застыла.

— Да.

— Арен Вейр. Технический специалист транспортного узла № 7.

— Да.

Равен не стал уточнять, почему она не упомянула об этом раньше. Он просто посмотрел на экран, где, вероятно, находились сведения из её личного дела.

— Тогда я понимаю, почему эта история может иметь для вас личное значение. Потеря близкого человека всегда оставляет вопросы. Иногда человек годами возвращается к обстоятельствам случившегося, потому что ему кажется: если он найдёт недостающую деталь, то сможет наконец завершить эту историю.

Лея почувствовала, как к горлу подступает раздражение.

— Вы не знаете, что я чувствую.

— Это правда. И я не собираюсь делать выводы о ваших

чувствах.

— Тогда зачем вы упомянули отца?

— Потому что личная заинтересованность не делает исследование неправильным. Но она требует от исследователя особенно строгого отношения к доказательствам.

Лея ничего не ответила.

В этом тоже была правда. Она могла ошибаться. Могла придавать слишком большое значение записи только потому, что она касалась отца. Могла искать смысл там, где его не было.

Но почему тогда технический журнал оказался недоступен?

Почему название документа изменили после закрытия дела?

Почему запрос отклонили почти мгновенно?

И почему Управление согласования решило поговорить с ней лично?

— Я хочу дать вам один совет, — сказал Равен. — Не торопитесь превращать профессиональный вопрос в личное расследование. Вы можете добиться многого в архивной службе. У вас хорошие результаты, и я готов рекомендовать вас для участия в программе подготовки старших архивистов. Там вы получите доступ к более сложным фондам, научитесь работать с историей изменений и сможете заниматься исследовательскими проектами в рамках установленной процедуры.

Лея посмотрела на него.

Предложение было реальным. Программа подготовки старших архивистов считалась одним из лучших путей продвижения по службе. Участникам предоставляли расширенный доступ, дополнительные часы работы с фондами и возможность участвовать в проверке сложных дел.

Ещё десять минут назад она была бы рада услышать подобное.

Теперь ей казалось, что предложение появилось слишком вовремя.

— А для участия в программе мне нужно отозвать запрос? — спросила она.

— Нет. Ваш запрос уже закрыт. Отзывать нечего.

— Тогда что от меня требуется?

— Ничего особенного. Продолжайте работать добросовестно. Соблюдайте процедуры. Если возникнут новые вопросы, решайте их через непосредственного руководителя.

— И не возвращайтесь к делу транспортного узла № 7?

Равен сложил руки на столе.

— Я не говорил этого, Лея.

Она встретила его взгляд.

— Но вы хотите, чтобы я перестала им заниматься.

— Я хочу, чтобы вы понимали границы своих полномочий.

— А если в пределах этих границ нельзя проверить несоответствие?

Он посмотрел на неё долгую секунду.

— Тогда, возможно, вам стоит выяснить, почему вы считаете, что именно вы должны его проверять.

В кабинете стало тихо.

Лея услышала негромкий гул вентиляции и далёкий звук лифта за стеной. В обычных условиях она не обратила бы на них внимания, но сейчас каждый посторонний звук казался слишком отчётливым.

Равен поднялся.

— Благодарю за беседу. Надеюсь, мы друг друга поняли. И, пожалуйста, не воспринимайте это как дисциплинарное разбирательство. В отношении вас не выдвинуто никаких обвинений. Мы просто уточняем обстоятельства, чтобы избежать недоразумений в дальнейшем.

Он протянул ей руку.

Лея пожала её.

Рукопожатие было обычным. Тёплая ладонь, ровное движение, вежливый взгляд.

Никаких угроз.

Никаких обвинений.

Никакого повода жаловаться.

— Всего доброго, — сказал Равен.

— До свидания.

Лея вышла из кабинета в 11:55.

В коридоре никто не ждал её. Сотрудники проходили мимо с планшетами и папками, разговаривали о рабочих во-

просах, сверяли расписания. Один из них придержал для неё дверь, другой извинился, когда они едва не столкнулись у лестницы.

Город продолжал жить по правилам.

Именно это пугало сильнее всего.

Если бы Равен кричал на неё, угрожал увольнением или прямо запретил заниматься делом, Лея могла бы назвать происходящее давлением. Но он был вежлив, логичен и даже предложил ей помощь. Всё, что он говорил, можно было объяснить заботой о профессиональной дисциплине.

И всё же она не могла отделаться от ощущения, что её только что предупредили.

Не о том, что она нарушила правило.

О том, что за её действиями теперь наблюдают.

Вернувшись в архивный зал, Лея прошла к своему рабочему месту. Она старалась двигаться как обычно, не оглядываться и не искать глазами Ниру. Ей не хотелось проверять, изменилось ли отношение коллег к ней после беседы. Она боялась, что начнёт замечать подозрительность даже там, где её нет.

На столе всё оставалось на своих местах. Три дела, открытая карточка последней проверки, пустая кружка. Лея села, активировала терминал и ввела личный код.

Экран приветствовал её стандартной надписью.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ,
ЛЕЯ ВЕЙР.

Она открыла раздел истории изменений, чтобы вернуться к документу транспортного узла № 7. Ей хотелось ещё раз проверить время последнего редактирования, сохранить доступные сведения и убедиться, что она не перепутала последовательность событий.

Вместо привычного списка появился серый экран.
ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

«В соответствии с результатами внутренней проверки для вашей учётной записи временно изменён уровень доступа к истории изменений архивных материалов. Для уточнения оснований обратитесь к непосредственному руководителю».

Лея перечитала сообщение.

Затем заметила маленькую строку в нижней части окна:

«Обращение по делу ТУ-7/С-04 зарегистрировано как потенциальное нарушение процедуры доступа к материалам ограниченного фонда».

Она медленно убрала руки с клавиатуры.

Потенциальное нарушение.

Не установленное. Не подтверждённое. Даже не предъявленное ей официально.

Потенциальное.

Слово, которое ничего не доказывало, но уже меняло положение человека.

Лея открыла свой рабочий профиль. Уровень допуска действительно изменился. Некоторые разделы, доступные ещё утром, теперь отображались как недоступные. Ограни-

чение касалось не только дела отца, но и общей истории изменений документов, с которыми она работала.

Она попыталась открыть справку по процедуре обжалования.

Система предложила заполнить форму, указать основание обращения и дождаться согласования с непосредственным руководителем.

Лея закрыла форму.

На соседнем столе Нира перелистывала карточки. Их взгляды встретились на короткое мгновение, но женщина сразу посмотрела на экран.

Лея вспомнила слова отца.

Если время не сходится, не исправляй его. Сначала выясни, кто решил, каким оно должно быть.

Тогда эта фраза казалась ей профессиональным советом. Отец говорил о неисправных датчиках, сбитых часах и журналах, в которых события иногда записывались не в том порядке. Он учил её не подгонять показания под ожидаемый результат.

Теперь слова звучали иначе.

Она не знала, кто изменил записи транспортного узла № 7. Не знала, почему исчезло дополнительное свидетельство. Не знала, имело ли отношение к этому Управление согласования или его сотрудники просто выполняли обычную проверку.

Но теперь она знала ещё кое-что.

Её вопрос перестал быть только вопросом.

Он появился в системе, получил номер, прошёл регистрацию и изменил её права доступа. Кто-то связал её обращение с возможным нарушением процедуры, хотя она действовала через официальный канал и не пыталась обойти ограничения.

Лея могла подать жалобу. Могла обратиться к руководителю. Могла прекратить расследование и дожидаться, пока ситуация забудется.

Каждый из этих вариантов оставался открытым.

Пока.

Она достала из ящика небольшой бумажный блокнот. В Центральном архиве бумага считалась неудобным, но допустимым средством личных заметок, если записи не содержали закрытых сведений. Лея открыла чистую страницу и записала дату.

Затем перечислила то, что могла подтвердить.

Индекс дополнительного свидетельства совпадал с индексом технического журнала.

Название записи изменили после закрытия дела.

Запрос на доступ отклонили почти мгновенно.

После обращения её доступ к истории изменений ограничили.

Она остановилась, перечитала список и добавила ещё одну строку:

«Беседа с представителем Управления согласования.

Формальных обвинений не предъявлено».

Лея закрыла блокнот.

Она не собиралась объявлять себя жертвой заговора. Не собиралась обвинять Управление в сокрытии доказательств. У неё не было для этого оснований.

Но она больше не могла считать, что проверяет только старую архивную ошибку.

Теперь сама проверка стала частью истории, которую ей предстояло понять.

На экране появилось новое уведомление. Очередное рабочее дело ожидало подтверждения.

Лея открыла его и начала проверку с первой строки.

Она не знала, сколько ещё времени ей позволят работать с архивами. Не знала, сможет ли восстановить доступ и что произойдёт, если она снова подаст запрос.

Зато теперь она понимала, что любопытство имеет цену.

И первый платёж уже был списан.

Глава 4. Чужая подпись

После беседы с Равеном Орсом Лея старалась не смотреть на уведомление об ограничении доступа.

Оно оставалось в истории её учётной записи, аккуратное и безличное, как отметка о просроченном документе. Система не запрещала ей работать. Она по-прежнему могла проверять открытые фонды, сопоставлять общедоступные записи, исправлять ошибки индексации и подтверждать подлинность документов, не имевших ограничений. Для постороннего наблюдателя ничего существенного не изменилось.

Только некоторые двери перестали открываться.

Лея решила не стучать в них снова.

Вместо этого она вернулась к делу транспортного узла № 7 и начала с того, что ещё оставалось ей доступно.

Она не собиралась обходить запреты. Не пыталась подбирать чужие коды, искать уязвимости или проникать в закрытые разделы. Если система ограничила ей доступ к истории изменений, значит, историю изменений она пока не увидит. Но это не означало, что ей запрещено изучать открытые технические записи, сопоставлять даты и проверять последовательность событий.

По крайней мере, нигде в правилах не было сказано обратного.

Она создала новую рабочую заметку и указала номер дела.

Затем открыла доступный отчёт об аварии, опубликованный в архивном реестре восемь лет назад.

Документ выглядел привычно: сухой язык, стандартная структура, таблица событий, заключение комиссии. В нём не было ни эмоциональных формулировок, ни попыток оправдать действия сотрудников. Только последовательность технических операций и итоговый вывод.

Лея знала этот отчёт почти наизусть.

Она открыла таблицу временных отметок.

21:14 — регистрация неисправности оборудования транспортного узла № 7.

Следующая запись указывала на отключение автоматического управляющего контура. После этого система перешла в аварийный режим, движение транспортных капсул на участке остановили, а дежурная бригада приступила к проверке оборудования.

В 21:19, согласно журналу обслуживания, работа системы была восстановлена.

Пять минут.

Именно столько, если верить документам, продолжался основной технический сбой.

Лея выписала обе отметки на бумагу и положила рядом с клавиатурой.

21:14.

21:19.

Между ними не было ничего необычного. Неисправность

зарегистрировали, оборудование перевели в безопасный режим, затем восстановили. В официальном заключении говорилось, что причиной стала ошибка управляющего блока, а действия дежурной бригады признали соответствующими инструкции.

Она уже собиралась закрыть документ, когда вспомнила о другой записи.

Не о той, которую исключили из дела. О соседнем открытом журнале, сохранившемся в общем техническом фонде.

Лея нашла его по номеру транспортного узла. Документ относился к тому же дню, но был составлен другим подразделением — службой технического обслуживания. В отличие от отчёта об аварии, он содержал не выводы комиссии, а короткие отметки о действиях оборудования.

Она раскрыла нужную дату.

Записи шли одна за другой: проверка датчиков, передача показаний, переключение резервного питания. Временные отметки отличались на секунды, иногда на доли минуты. Это было нормально. У разных устройств имелись собственные часы, а система сводила данные в общий журнал с учётом допустимых задержек.

Лея дошла до 21:19.

21:19 — восстановление рабочего режима. Контрольная проверка завершена.

Она перечитала запись, хотя уже знала, что там написано. Потом вернулась к отчёту об аварии и сверила номера

оборудования. Они совпадали.

Один и тот же управляющий блок. Один и тот же участок. Одна и та же дата.

Всё сходилось.

Лея почти почувствовала облегчение. Возможно, она слишком много внимания уделяла исключённому свидетельству. Возможно, журнал обслуживания действительно не содержал ничего, что могло бы изменить официальную картину событий.

Она закрыла его, но палец остановился над кнопкой завершения.

В памяти всплыл фрагмент, который она видела в предыдущие дни. Не в отчёте об аварии. В другой открытой записи, предназначенной для технической сверки команд.

Лея снова открыла каталог.

Она не помнила точного названия документа, зато помнила назначение: журнал регистрации управляющих сигналов. Такие журналы создавались автоматически и фиксировали команды, поступавшие на оборудование, даже если команда не приводила к выполнению операции.

Она ввела номер узла и дату аварии.

Система выдала несколько результатов. Два относились к последующим проверкам. Третий — к первичной регистрации событий.

Лея открыла его.

В верхней части страницы находилось предупрежде-

ние о возможных расхождениях между часами отдельных устройств. Ниже располагались строки журнала с кодами операций и указанием источника команды.

Она настроила отображение по времени и прокрутила список до нужного промежутка.

21:13:48.

21:14:02.

21:14:17.

Затем отметки становились реже. После регистрации неисправности оборудование перешло в аварийный режим. Часть управляющих команд была отклонена, часть осталась в очереди, несколько записей получили статус технической отмены.

Лея проверяла их одну за другой, пока не дошла до строки, от которой у неё напряглись пальцы.

21:16:08 — команда переключения управляющего контура. Источник: служебный канал. Статус: принята устройством.

Она замерла.

Прочитала строку ещё раз.

Потом открыла карточку оборудования и проверила его состояние на этот момент. Согласно официальному отчёту, управляющий контур уже был отключён. После перехода в аварийный режим приём команд по указанному каналу должен был блокироваться до восстановления системы.

До 21:19.

До той самой отметки, которой завершался отчёт.

Лея перевела взгляд на часы в углу экрана. Потом снова посмотрела на запись.

В 21:16 оборудование получило команду, которую, согласно официальной хронологии, уже не могло получить.

Она почувствовала, как в груди медленно нарастает напряжение. Не страх и не уверенность в собственной правоте. Скорее, неприятное ощущение, возникающее, когда привычная картина мира внезапно перестаёт быть цельной.

Она не стала сразу делать выводы.

Сначала проверила время регистрации.

В открытой справке технического отдела объяснялось, что часы устройств синхронизировались с центральным временным контуром. При потере связи допускалось небольшое отклонение, которое указывалось в метаданных записи. Лея открыла карточку журнала и нашла сведения о синхронизации.

Отклонение составляло менее двух секунд.

Даже если принять максимально допустимую погрешность, запись не могла переместиться из 21:16 в 21:19.

Она записала значение.

Затем проверила стандартную задержку передачи команд. В справочнике указывалось, что служебные сигналы могли поступать с задержкой при перегрузке канала. Но журнал фиксировал время приёма устройством, а не время отправки из управляющего центра. Задержка передачи не объясняла,

почему команда была принята оборудованием, которое считалось отключённым.

Лея открыла таблицу аварийных режимов.

Возможность приёма служебных команд сохранялась для некоторых резервных систем, но только при наличии отдельного канала и соответствующего аппаратного модуля. Для оборудования транспортного узла № 7 такой модуль в документации не значился.

Она проверила номер модификации.

Совпадал.

Проверила дату установки.

Совпадала.

Проверила сведения о последнем техническом обслуживании.

Никаких указаний на дополнительное оборудование не было.

Лея отодвинулась от экрана.

Существовали объяснения, которые она ещё не проверила. Например, запись могла относиться к другому устройству, хотя номер оборудования указывал на нужный блок. Или технический журнал мог содержать ошибочную строку. Или команда была принята до полного отключения контура, а отметка времени отражала не тот этап операции.

Она не имела права исключать ни одну из этих возможностей.

Но каждая требовала проверки.

И ни одна пока не объясняла противоречие целиком.

Лея вернулась к записи и открыла доступные сведения о её происхождении. В карточке указывались номер регистрационной цепочки, подразделение-источник и статус подтверждения. Сам журнал оставался открытым, однако подробная история его редактирования была недоступна.

Она могла видеть, что запись существует.

Могла видеть её время, источник и технический статус.

Но не могла установить, меняли ли её после первоначальной регистрации.

Лея почувствовала знакомое раздражение. Ей хотелось получить простой ответ: кто создал запись, когда её проверили, почему она противоречит отчёту. Но архив предоставлял ей только часть сведений и не объяснял, почему остальная часть закрыта.

Она заставила себя вернуться к работе.

На этот раз Лея проверила не только оборудование, но и порядок регистрации документов. В отчёте об аварии указывался номер заключения комиссии. В журнале обслуживания — номер первичной технической записи. В журнале управляющих сигналов — собственный регистрационный индекс.

Все три документа существовали в открытых фондах. Их номера не повторялись, даты создания выглядели правдоподобно, а ссылки между записями не содержали явных ошибок.

Однако в заключении комиссии временная последовательность была изложена иначе.

Сначала произошла неисправность в 21:14. Затем система находилась в аварийном режиме. После восстановления в 21:19 технический контур вернулся к штатной работе.

Запись о команде в 21:16 в эту последовательность не вписывалась.

Лея открыла таблицу соответствия событий и добавила четвёртую строку.

21:16:08 — принятие служебной команды при заявленном отключении управляющего контура.

Она долго смотрела на написанное.

Пока это было лишь описание противоречия, не объяснение.

Она не знала, кто отправил команду. Не знала, была ли она связана с аварией или являлась частью независимой технической операции. Не знала, почему официальный отчёт не упоминал о ней. Даже если команда имела отношение к происшествию, из одной строки нельзя было заключить, что она стала причиной неисправности.

Но теперь у неё было нечто более конкретное, чем совпадение индексов.

В документах существовало событие, которое невозможно было без дополнительных объяснений встроить в официальную хронологию.

Лея сохранила рабочую заметку.

Затем открыла карточку заключения комиссии и проверила сведения о последнем утверждении документа.

Эта информация относилась к общему реестру редакций и оставалась доступной даже после изменения её уровня допуска. Лея ожидала увидеть подпись технического подразделения или архивного отдела, который занимался оформлением заключения.

Но в строке согласования значилось другое.

Подразделение, санкционировавшее последнюю редакцию: Управление согласования.

Лея медленно перечитала название.

Она знала, что Управление имело право проверять документы, связанные с общественно значимыми событиями. Его сотрудники могли требовать уточнений, приостанавливать публикацию неподтверждённых материалов и утверждать итоговые версии спорных записей.

Само по себе присутствие Управления в цепочке согласования не было доказательством нарушения. Возможно, его представители участвовали в проверке последствий аварии. Возможно, документ проходил обычную процедуру утверждения. Возможно, последняя редакция была связана с изменением формата или исправлением ошибки.

Она открыла сведения о версии.

Дата последнего утверждения отличалась от даты первоначального заключения. Это было ожидаемо: документы могли пересматривать, уточнять и приводить к единому

стандарту оформления.

Но в доступной карточке не указывалось, что именно изменили.

Лея попыталась открыть описание редакции.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Она закрыла окно.

Ей вспомнился разговор с Равеном. Его спокойный голос, осторожные формулировки, предложение помочь с карьерой. Он не отрицал существование несоответствий. Он лишь настаивал, что они требуют контекста.

Теперь Лея понимала, почему этот ответ так раздражал её.

Контекст существовал. Он был распределён по документам, индексам, техническим журналам и закрытым историям изменений. Чтобы понять один факт, требовалось увидеть другой. Но чем ближе она подходила к связующим звеньям, тем чаще натывалась на ограничения.

Она не знала, было ли это следствием обычной системы допуска или результатом чьего-то решения.

Именно поэтому не собиралась делать выводы.

Лея открыла бумажный блокнот.

Она не скачивала технические журналы и не копировала закрытые материалы. Вместо этого записала номера открытых записей, их даты, названия и те временные отметки, которые могла проверить в общем реестре.

Номер отчёта об аварии.

Номер журнала обслуживания.

Индекс журнала управляющих сигналов.

Время команды: 21:16:08.

Время регистрации неисправности: 21:14.

Время восстановления: 21:19.

Номер заключения комиссии.

Подразделение, санкционировавшее последнюю редакцию.

Она перечитала список, проверяя, не добавила ли в него предположений вместо фактов. Затем провела тонкую линию под последней строкой.

Впервые за несколько дней она почувствовала, что продвинулась вперёд.

Не к разгадке.

К вопросу, который уже нельзя было сформулировать как обычную архивную неточность.

Если оборудование действительно не могло принять команду в 21:16, почему запись об этой команде сохранилась? Если запись была ошибочной, почему её не исправили? Если отчёт изменили позднее, что именно потребовало вмешательства Управления согласования?

И если никто не пытался скрыть обстоятельства аварии, почему доступ к истории изменений был закрыт?

Лея отложила блокнот и вернулась к экрану.

Ей хотелось найти ещё одну независимую запись, которая могла бы подтвердить или опровергнуть её наблюдение. Возможно, данные резервного питания. Возможно, журнал де-

журной бригады. Возможно, отметку о ручном переключении оборудования.

Но после нескольких попыток система показала, что связанные документы находятся в фонде с ограниченным доступом.

Она не стала отправлять новый запрос.

Не сегодня.

Сначала ей требовалось понять, какие сведения она может получить законным путём, не превращая каждое действие в повод для очередной проверки. Теперь она знала, что её обращения фиксируются. Следующий запрос мог привести к новым ограничениям, а без доступа к истории изменений она рисковала потерять возможность работать даже с открытыми материалами.

Лея закрыла карточку дела.

На секунду экран потемнел, отражая её лицо. Она выглядела уставшей. Волосы выбились из причёски, под глазами залегли тени, губы были плотно сжаты.

Она вдруг подумала, что отец, вероятно, выглядел так же, когда пытался разобраться в неисправности.

Эта мысль заставила её отвести взгляд.

Она не знала, занимался ли он тем же противоречием. Не знала, видел ли запись о команде в 21:16. Нельзя было утверждать, что найденная ею несогласованность имела отношение к его смерти.

Но если отец действительно обнаружил ошибку в доку-

ментах, то, возможно, он задавал те же вопросы.

Лея открыла блокнот и на свободной строке написала:
«Установить, что изменилось в последней редакции заключения комиссии».

Затем добавила:

«Не считать вмешательство доказанным до получения дополнительных сведений».

Эта фраза была нужна ей самой.

Она не хотела стать человеком, который заранее выбрал виновного, а затем подгонял под свою версию каждый новый факт. Если она собиралась выяснить правду, ей придётся допустить, что ответ может оказаться не таким, каким она его представляла.

Возможно, кто-то действительно скрыл техническую ошибку, чтобы избежать ответственности.

Возможно, сотрудник использовал чужие полномочия.

Возможно, Управление согласования внесло изменения по причинам, которые имели смысл в момент принятия решения.

А возможно, все эти объяснения были неверны.

Пока она знала только одно: документы не складывались в единую последовательность.

И кто-то, имевший право утверждать их окончательную редакцию, принадлежал не к транспортной службе, а к Управлению согласования.

Лея закрыла блокнот.

В правом углу экрана появилось уведомление о завершении рабочей сессии. Она подтвердила выход, собрала личные вещи и уже собиралась покинуть архив, когда система издала короткий сигнал.

Новое служебное сообщение.

Она снова активировала экран.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ПРОВЕРКИ ЗАПРОСОВ

«В связи с необходимостью дополнительного контроля обращений к материалам ограниченного фонда назначен ответственный сотрудник для проверки архивных запросов, связанных с делом ТУ-7/С-04».

Ниже располагались сведения о назначении.

Имя: Кайрен Сол.

Подразделение: Управление согласования.

Статус: ответственный проверяющий.

Лея не сразу поняла, почему сообщение показалось ей важнее предыдущих уведомлений.

Возможно, потому, что до этой минуты ограничения оставались безличными. Система отклоняла запросы, меняла права доступа, регистрировала действия. За каждым решением стояли правила, формулировки и электронные подписи, но не лицо, с которым можно было поговорить.

Теперь у происходящего появилось имя.

Кайрен Сол.

Лея открыла карточку назначения. В ней не было фотографии, подробной биографии или пояснения, почему вы-

брали именно этого сотрудника. Только должность, подразделение и номер служебного удостоверения.

Она посмотрела на строку ещё раз.

Управление согласования не просто заметило её запросы. Оно назначило человека, который теперь будет следить за их дальнейшим рассмотрением.

Лея закрыла карточку и погасила экран.

За окнами вечерний Невар постепенно переходил на ночной режим. На фасадах зажигались световые указатели, транспортные капсулы двигались по освещённым линиям, а общественное табло над улицей сообщало о завершении очередного дня без серьёзных нарушений порядка.

Город выглядел спокойным.

Лея вышла из архива, сжимая в кармане блокнот с номерами записей.

Она всё ещё не знала, что произошло в 21:16.

Но теперь знала, кто будет проверять её попытки это выяснить.

Кайрен Сол.

Глава 5. Стажёр Управления

Кайрен Сол появился в Центральном архиве на следующее утро.

Лея узнала о его приходе не из уведомления. Она заметила его сама, когда направлялась к терминалу регистрации и увидела незнакомого молодого человека возле стойки администратора. На нём была тёмная форменная куртка Управления согласования, застёгнутая до верхней пуговицы, а на груди — служебный идентификатор. Он не оглядывался по сторонам и не пытался привлечь внимание. Пока администратор проверяла его допуск, он изучал расположенную на стойке схему архивных подразделений.

На вид ему было около восемнадцати или девятнадцати лет. Слишком молод для человека, которому доверили проверять действия сотрудников Центрального архива, решила Лея. Впрочем, в Неваре возраст не всегда определял полномочия. Гораздо больше значили результаты обучения, служебная специализация и принадлежность к подразделению.

Молодой человек поблагодарил администратора и направился в читальный зал.

Он шёл спокойно, не торопясь, словно заранее знал, куда ему нужно. Увидев Лею, остановился на расстоянии нескольких шагов.

— Лея Вейр?

— Да.

— Кайрен Сол. Управление согласования.

Он не протянул ей руку и не улыбнулся для приличия. Просто назвал себя и показал идентификатор, чтобы она могла сверить данные.

Лея уже видела его имя в системе, но теперь оно принадлежало человеку, стоявшему перед ней.

— Вы назначены проверять мои запросы? — спросила она.

— В частности, запросы по делу ТУ-7/С-04.

— И что именно вы собираетесь проверять?

— Соблюдение порядка обращения к материалам ограниченного фонда.

Он произнёс это без нажима. В его голосе не было ни угрозы, ни желания продемонстрировать власть. Он говорил так, словно объяснял обычную рабочую процедуру.

Это раздражало Лею сильнее, чем если бы он попытался её запугать.

— Я подавала официальные запросы, — сказала она. — Ничего не скачивала, не копировала и не пыталась получить доступ к закрытым разделам.

— Я ознакомился с регистрационными данными.

— Тогда вы знаете, что нарушений не было.

— Я знаю, что запросы были поданы через официальный канал. Это не исключает необходимости проверить обстоятельства их появления.

Лея скрестила руки.

— Вы всегда так разговариваете?

Кайрен чуть приподнял брови.

— Как?

— Так, будто ответ уже известен, но вы не собираетесь его произносить.

На этот раз он всё-таки улыбнулся, хотя улыбка вышла короткой и почти незаметной.

— А вы всегда считаете, что человек, задающий вопросы, уже знает ответ?

— Нет. Только если он начинает проверку до того, как объяснит, в чём состоит проблема.

— Тогда, думаю, мы оба сможем чему-нибудь научиться.

Лея не ответила.

Кайрен убрал идентификатор под край куртки и посмотрел на часы.

— Я бы хотел поговорить с вами о последнем запросе. Если у вас есть время, предлагаю пройти к свободному рабочему месту. Нам не обязательно занимать административный кабинет.

Он не приказал ей следовать за собой. Не потребовал немедленно предъявить документы. Даже оставил ей возможность отказаться, хотя оба понимали, что отказ вряд ли что-нибудь изменит.

Лея указала на свободный стол у окна.

— Здесь подойдёт.

Они сели друг напротив друга.

Кайрен положил на стол тонкий планшет и открыл служебную карточку дела. Прежде чем заговорить, он несколько секунд читал сведения, периодически переходя между разделами. Лея наблюдала за ним. Он не торопился, не делал вид, что знает больше, чем написано в документах, и не пытался произвести впечатление.

Это было неожиданно.

Она привыкла, что представители Управления согласования говорили готовыми формулировками, которые невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть. Кайрен же сначала изучал информацию, а потом задавал вопросы.

— Ваша должность — младший архивист Центрального архива, — произнёс он. — В круг ваших обязанностей входит проверка полноты документации, сопоставление регистрационных данных и выявление несоответствий в открытых фондах.

— Всё верно.

— Доступ к истории изменений некоторых материалов ограничен.

— После моих запросов — ещё сильнее.

Кайрен поднял глаза.

— Вы считаете, что ограничение связано именно с вашими действиями?

— Оно появилось после того, как я запросила технический журнал, связанный с делом моего отца.

— Это последовательность событий. Но последовательность сама по себе не доказывает причинно-следственную связь.

Лея невольно усмехнулась.

— Равен Орс говорил почти то же самое.

— Значит, он не ошибся в этом пункте.

— Вы приехали защищать его решение?

— Я приехал проверить ваше обращение. Это не одно и то же.

Кайрен снова посмотрел на планшет.

— Почему вы заинтересовались делом ТУ-7/С-04?

Лея уже слышала этот вопрос. От Равена. От самой себя. И каждый раз ответ казался одновременно простым и недостаточным.

— Я обнаружила расхождение в документах.

— Какое именно?

Она помедлила.

До этой минуты Лея не собиралась обсуждать найденную запись с представителем Управления. Она не знала, насколько далеко распространялись полномочия Кайрена, какие сведения он уже видел и что именно ему сообщили о её работе. Но техническая запись находилась в открытом фонде. Её существование не было тайной, и Лея не нарушала никаких правил, изучая её.

Она решила говорить только о фактах.

— В отчёте об аварии указано, что неисправность зарегистри-

стрировали в 21:14, а система была восстановлена в 21:19. В открытом журнале управляющих сигналов есть запись о принятой оборудованием команде в 21:16. Согласно отчёту, в это время управляющий контур находился в аварийном режиме и не должен был принимать команды по указанному каналу.

Кайрен перестал листать документы.

— Вы проверили временную синхронизацию?

— Да.

— Погрешность часов?

— Менее двух секунд.

— Возможность задержки передачи?

— Журнал фиксирует время приёма устройством. Задержка передачи не объясняет, почему команда была принята.

— Вы проверяли модификацию оборудования?

— Да. Дополнительный модуль, который мог бы объяснить приём команды в аварийном режиме, в документации не указан.

Кайрен молчал.

Лея впервые почувствовала, что он действительно слушает её, а не просто ждёт, когда она закончит говорить.

— И вы решили, что отчёт изменили намеренно? — спросил он.

— Нет. Я решила, что записи противоречат друг другу.

— Это разные вещи.

— Я знаю.

— Но вы продолжили проверку после первого отказа.

— Потому что отказ не объясняет расхождение.

Кайрен отложил планшет.

— А вы уверены, что обязаны получать объяснение на каждый вопрос?

— Если вопрос касается официального документа, да.

— Даже если объяснение не входит в ваши полномочия?

— Тогда должно существовать место, где его можно получить.

— Почему?

Лея нахмурилась.

— Потому что иначе любой документ можно признать правильным только на том основании, что его утвердили.

— Вы считаете, что утверждённый документ не заслуживает доверия?

— Я считаю, что доверие не заменяет проверку.

Кайрен задумался.

Он выглядел моложе, когда молчал. В его лице ещё не было той неподвижной уверенности, которая отличала Равена. Он не умел полностью скрывать сомнения и иногда задерживал взгляд на строке, словно пытался понять, что именно в ней не сходится.

Но это не делало его союзником.

— Вы говорите так, будто проверка всегда безопасна, — произнёс он наконец.

— А вы говорите так, будто вопросы опаснее ошибок.

— Иногда так и бывает.

Лея покачала головой.

— Ошибки тоже опасны. Особенно если на основании ошибочного документа принимают решения.

— Разумеется. Но представьте, что каждый человек, обнаруживший противоречие, получает право самостоятельно пересматривать официальную версию события. Один увидит несоответствие во времени, другой найдёт неполную запись, третий решит, что отсутствующий документ обязательно скрывает преступление. Каждый будет действовать из лучших побуждений. И всё же через некоторое время у нас окажется несколько несовместимых историй, каждая из которых объявляет себя истиной.

— Поэтому документы нужно проверять, а не запрещать проверять.

— Проверка требует компетенции, контекста и ответственности за выводы.

— Тогда дайте мне контекст.

— У вас нет соответствующего допуска.

— Но у меня есть доступ к записям, которые противоречат друг другу.

— Доступ к отдельным записям не означает права самостоятельно пересматривать дело целиком.

Лея почувствовала, что разговор начинает ходить по кругу.

— Вы считаете, что я не понимаю последствий своих действий?

— Я считаю, что последствия могут быть шире, чем намерения человека.

— Это удобный аргумент.

— Удобные аргументы не всегда неправильные.

Она посмотрела на него с неприязнью.

Кайрен не ответил на её взгляд. Он снова открыл карточку дела и перешёл к разделу истории редакций. Несколько секунд читал, затем увеличил одну из строк.

— Здесь есть интересная деталь.

Лея невольно подалась вперёд.

— Какая?

— Последняя редакция заключения комиссии действительно появилась после того, как дело было закрыто.

Она почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Значит, вы видите то же самое.

— Я вижу дату редакции и дату закрытия. Это подтверждается регистрационными данными.

— И вы считаете это нормальным?

— Я пока не знаю, нормальным ли это было в конкретном случае.

Ответ застал её врасплох.

Лея ожидала, что он начнёт объяснять, почему позднее редактирование документов является обычной практикой. Или напомнит, что все изменения были санкционированы

Управлением. Но Кайрен не спешил оправдывать запись.

Он внимательно изучил ещё несколько строк, затем открыл справочный раздел с регламентом.

— Обычно заключение после закрытия дела может быть отредактировано по техническим причинам, — сказал он. — Например, при исправлении регистрационного индекса, уточнении ссылки на приложение или устранении ошибки форматирования. Но изменение, затрагивающее содержание выводов, должно сопровождаться отдельным основанием.

— А оно есть?

— В доступной мне части карточки его нет.

Лея медленно выдохнула.

— Значит, я не ошиблась.

— Вы обнаружили несоответствие. Это не то же самое, что доказать незаконное вмешательство.

— Я никогда не говорила, что оно было незаконным.

— Но вы подозреваете, что кто-то намеренно изменил историю аварии.

Лея замолчала.

Он угадал. И всё же ей не понравилось, что он произнёс это так, будто подозрение уже стало фактом.

— Я допускаю такую возможность, — ответила она. — Но допускаю и другие.

Кайрен посмотрел на неё с большим вниманием, чем прежде.

— Какие?

— Техническая ошибка. Использование чужих полномочий. Изменение документа по причине, которую не внесли в доступную карточку. Я не знаю, что произошло. Именно поэтому пытаюсь проверить записи.

— Хорошо.

Он произнёс это тихо, словно не хотел придавать слову особого значения.

— Что хорошо? — спросила Лея.

— То, что вы различаете предположение и доказательство.

— А вы ожидали другого?

— Я ожидал, что человек, который продолжает задавать вопросы после нескольких ограничений доступа, может уже считать собственную версию единственно возможной.

Лея почувствовала, как раздражение возвращается.

— Вы меня даже не знаете.

— Поэтому и проверяю.

Она отвернулась к окну.

На улице двое работников технической службы осматривали световую панель. Один стоял на платформе, второй передавал ему инструменты. Когда платформа слегка качнулась, рабочий наверху остановился и дождался, пока коллега закрепит опору. Только после этого он продолжил работу.

Лея подумала, что так и должно быть. Если механизм даёт сбой, нельзя просто объявить его исправным, потому что он выглядит исправным. Нужно проверить опору, крепления,

питание, нагрузку. А если часть деталей скрыта, это не делает неисправность менее реальной.

— Что будет дальше? — спросила она.

Кайрен закрыл справочный раздел.

— Я проведу служебную проверку доступных регистрационных данных. Для этого мне понадобится копия открытой части журнала управляющих сигналов и сведения о редакциях заключения комиссии.

— Копия?

— Служебная. Она останется в Управлении согласования.

— Вы собираетесь забрать документы, которые доступны любому архивисту?

— Я собираюсь зафиксировать материалы, на основании которых был подан запрос. Это стандартная процедура.

— А мне дадут копию вашей проверки?

— Если она будет завершена и её результаты можно будет предоставить вам в рамках вашего допуска.

Лея едва заметно покачала головой.

— То есть вы заберёте записи, изучите их за закрытыми дверями, а потом сообщите мне, что решили.

— Если вы хотите, чтобы проверка имела юридическую силу, она должна проводиться по установленным правилам.

— А если правила позволяют не сообщать результат человеку, который обнаружил проблему?

Кайрен не ответил сразу.

Он посмотрел на экран, затем на Лею.

— Тогда это тоже вопрос, который можно поставить. Но не следует смешивать две вещи: право сообщить о несоответствии и право самостоятельно получить доступ ко всем материалам, которые могут его объяснить.

— Я не прошу доступ ко всем материалам.

— Пока.

— Вы постоянно добавляете это слово.

— Потому что не знаю, что вы сделаете дальше.

Лея хотела возразить, но поняла, что в этом смысле он прав. Она действительно не знала, что будет делать дальше. Ещё несколько дней назад ей хватило бы официального ответа и возможности продолжать работу. Теперь она сомневалась, что очередное уведомление сможет убедить её в полноте проверки.

Кайрен подготовил форму служебного копирования. Перед подтверждением он сверил номер записи, дату и статус доступа. Затем ещё раз проверил перечень материалов, которые собирался приложить к запросу.

Он не торопился и не пытался расширить список за счёт закрытых документов. Всё происходило открыто, в соответствии с установленной процедурой.

Это было странно.

Лея не могла понять, что именно ей не нравилось в его поведении. Он не был похож на Равена, который умел превращать предупреждение в доброжелательный совет. Кайрен не пытался успокоить её обещаниями и не предлагал карье-

ных перспектив. Он не отрицал фактов, даже если они были неудобны для ведомства, которое представлял.

Но он всё равно оставался частью этого ведомства.

И именно ему теперь предстояло решать, что произойдёт с её запросами.

— Вы сами верите в Протокол Единства? — неожиданно спросила Лея.

Кайрен поднял голову.

— Что вы имеете в виду?

— Вы считаете, что у каждого события должна быть одна официальная версия?

Он немного помолчал.

— Я считаю, что общество не может существовать, если никто не доверяет общим правилам установления фактов.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Другого ответа у меня пока нет.

— Удобно.

— Вы уже говорили это сегодня.

— Значит, мне пора перестать повторяться.

Кайрен закрыл форму и подтвердил копирование открытых материалов.

— Протокол не требует, чтобы люди перестали думать, — сказал он. — Он требует, чтобы выводы, влияющие на других людей, проходили проверку.

— А кто проверяет тех, кто проверяет?

Он посмотрел на неё чуть дольше обычного.

— Хороший вопрос.

Лея ждала продолжения, но Кайрен больше ничего не добавил.

Он сохранил служебную копию, проверил её регистрационный номер и отправил документ в Управление. На экране появилось подтверждение передачи материалов.

— На этом пока всё, — сказал он.

— И вы не собираетесь сообщить мне, что нашли?

— Я сообщу результат проверки в установленном порядке.

— Даже если он подтвердит моё предположение?

— Особенно если подтвердит. Тогда вывод должен опираться не на наши мнения, а на документы.

Он встал и убрал планшет.

Лея тоже поднялась, но осталась у стола.

— Кайрен.

Он обернулся.

— Вы думаете, что я нарушила правила?

Он не ответил мгновенно. Лея заметила, как его взгляд скользнул к её терминалу, затем вернулся к лицу.

— Я думаю, что вы обнаружили несоответствие и продолжили изучать его, несмотря на ограничения. Это требует проверки.

— Вы могли бы просто сказать «да» или «нет».

— Мог бы. Но тогда я бы сказал больше, чем знаю.

На этот раз Лея не нашлась с ответом.

Кайрен направился к выходу. У двери он остановился, словно вспомнил что-то важное.

— Если вы правы, у нас проблема. Если вы ошибаетесь, проблема тоже есть. Постарайтесь понять разницу, прежде чем делать следующий шаг.

— Для кого проблема? — спросила Лея.

Он посмотрел на неё через плечо.

— Для всех, кто будет вынужден жить с последствиями того, что мы решим.

После этого он ушёл.

Лея ещё некоторое время стояла возле стола, глядя на закрывшуюся дверь. Она пыталась решить, что именно означали его слова. Были ли они предупреждением? Признанием того, что он тоже сомневается в официальной версии? Или всего лишь профессиональной формулировкой человека, который привык видеть за каждым документом возможные последствия?

Она не знала.

Кайрен не обещал помочь ей. Не сказал, что будет искать правду любой ценой. Не признал, что Управление могло вмешаться в историю аварии. Он лишь подтвердил, что поздняя редакция действительно существовала и требовала объяснения.

Но даже этого оказалось достаточно, чтобы изменить её отношение к нему.

До встречи Лея представляла его безликим продолжени-

ем системы — человеком, которому поручили следить за ней и не позволять задавать лишние вопросы. Теперь перед ней возникла более неприятная возможность: Кайрен мог понимать противоречие не хуже неё, но считать, что доступ к его объяснению должен зависеть от того, кому и когда его можно сообщить.

Он не отрицал правду.

Он сомневался в праве человека самостоятельно решать, что делать с правдой.

Лея вернулась к рабочему месту и открыла свою заметку. Она добавила дату беседы, номер служебной проверки и имя сотрудника, которому передали открытые материалы.

Кайрен Сол. Управление согласования.

Затем закрыла блокнот.

Впервые за всё время расследования она встретила человека, который не пытался убедить её, что противоречия не существует. Он видел его. Но вместо того чтобы немедленно признать необходимость раскрыть всё, хотел сначала определить, кто имеет право изучать найденные сведения и какие последствия может повлечь их публикация.

Лея считала такой подход опасным.

Однако где-то в глубине души понимала: если она действительно хочет разобраться в смерти отца, ей придётся научиться отличать человека, который защищает ложь, от человека, который боится последствий правды.

Пока она не знала, к какой категории относился Кайрен

Сол.

И это раздражало её больше всего.

Глава 6. Протокол допроса

На вторую беседу Кайрен Сол пригласил Лею через официальный календарь Центрального архива.

Уведомление пришло в начале рабочего дня, когда она проверяла очередную партию документов. В нём не было ни слова о нарушении процедуры, ни упоминания о новых ограничениях. Только дата, время и место встречи, а также короткое пояснение: «Дополнительное уточнение обстоятельств обращения по делу ТУ-7/С-04».

Лея прочитала сообщение дважды.

В первый раз она подумала, что Кайрен нашёл что-то в документах. Во второй — что он просто выполняет предписанный порядок проверки. Ни одна из версий не казалась убедительнее другой.

Она подтвердила участие.

До назначенного времени оставалось почти два часа. Лея закончила текущую работу, проверила номера нескольких записей и внесла исправления в реестр. Она старалась не возвращаться мыслями к аварии, но всякий раз, когда взгляд падал на часы, вспоминала отметку 21:16:08.

Эта последовательность цифр стала навязчивой.

Не потому, что она уже знала её значение. Наоборот, она не знала ничего. Именно отсутствие ответа заставляло снова и снова возвращаться к записи, словно при достаточно дол-

гом рассмотрении цифры могли сами объяснить, что произошло.

В 10:55 Лея закрыла рабочую сессию и направилась в административный сектор.

На этот раз Кайрен ждал её не в кабинете, а в небольшом помещении для служебных бесед. Комната была рассчитана на двух человек. Стол, три стула, экран для документов, окно с матовым стеклом. На стене висела табличка с правилами обработки сведений ограниченного доступа.

Кайрен сидел у окна и читал что-то на планшете.

— Доброе утро, — сказал он, когда Лея вошла.

— Если это действительно утро.

Он поднял глаза.

— Уже успели устать от архива?

— Пока только от его внимания.

Кайрен не стал отвечать. Он указал на свободный стул, дождался, пока Лея сядет, и положил планшет на стол.

— Сразу уточню: это не дисциплинарное разбирательство. Я хочу получить дополнительную информацию о вашем интересе к делу. В ходе первой беседы мы обсуждали документы, но не само происшествие.

— А теперь вы решили поговорить о моей семье?

— Если вы не захотите отвечать на личные вопросы, вы можете об этом сказать. Я не стану требовать сведений, которые не относятся к проверке.

Лея внимательно посмотрела на него.

— И кто определяет, что относится к проверке?

— В данном случае — я. Но вы вправе оспорить необходимость любого вопроса.

— Звучит почти демократично.

— Я не уверен, что это слово подходит к служебной беседе.

— Тогда давайте не будем его использовать.

Кайрен слегка наклонил голову, принимая замечание, и открыл форму протокола.

— Начнём с обстоятельств аварии. Что вы знаете о происшествии на транспортном узле № 7, случившемся восемь лет назад?

Лея ожидала этого вопроса, но от ожидания он не стал проще.

— То, что указано в официальном заключении. Произошла техническая неисправность. Управляющий блок перешёл в аварийный режим. После проверки оборудование восстановили. Мой отец погиб в ходе происшествия.

— Вы читали заключение в детстве?

— Не помню. Мне было девять лет.

— Кто сообщил вам об обстоятельствах его смерти?

— Мать. Позже я видела документы.

— Какие именно?

Лея задумалась.

Перед глазами возникло не содержание отчёта, а отдельные фрагменты воспоминаний: стол на кухне, чашка с остыв-

шим чаем, мать, сидящая неподвижно, и бумажная папка, которую она несколько раз убирала в шкаф. Лея помнила, что спрашивала об отце. Помнила, что ей отвечали коротко, стараясь не произносить лишних подробностей.

Но сами документы она почти не помнила.

— Возможно, копию заключения. Может быть, ещё какие-то бумаги. Я не могу сказать точно.

— Вы когда-нибудь видели оригинал?

— Не знаю.

— Ваша мать рассказывала, чем именно занимался отец перед аварией?

— Нет. Или я не помню.

Кайрен сделал несколько отметок.

— Вы говорили с ним о работе?

— Конечно. Но мне было девять. Я не интересовалась техническими подробностями.

— Он приносил домой документы?

— Не помню.

— Рассказывал о проблемах на транспортном узле?

Лея почувствовала, как напряглись пальцы.

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что пытаюсь установить, могли ли у вас сохраниться сведения, которые не отражены в архивных материалах.

— Я уже сказала, что почти ничего не помню.

— Я слышу вас. Но иногда люди вспоминают детали, ко-

гда им задают конкретные вопросы.

Лея отвела взгляд.

Ей не нравилось, когда память превращали в хранилище, из которого можно было извлечь нужный факт при помощи правильной формулировки. Воспоминания не лежали внутри аккуратными карточками. Они возникали кусками, смешивались с чужими рассказами, менялись со временем. Она могла помнить, как отец поправлял сломанную лампу, и не помнить, что он сказал ей в последний вечер перед аварией.

Она могла быть уверена, что видела документ, и ошибаться.

— Я помню его руки, — сказала она неожиданно для самой себя.

Кайрен перестал писать.

— Простите?

— Руки отца. У него всегда были мелкие порезы, следы от инструментов. Он постоянно что-то чинил. Даже дома. Радиаторы, замки, старые часы. Иногда разбирал вещи просто потому, что хотел понять, как они устроены.

Она замолчала, удивляясь, зачем вообще сказала это.

— Он был техническим специалистом, — произнёс Кайрен.

— Да.

— Вам известно, участвовал ли он в расследовании аварии?

— Нет.

— Был ли у него конфликт с руководством?

— Не знаю.

— Упомянул ли он кого-нибудь из Управления согласования?

Лея резко подняла голову.

— Ему пришлось бы иметь с ними дело?

— Я не утверждаю, что пришлось. Я проверяю возможные связи.

— Тогда почему вы спрашиваете о конфликте с руководством, если в официальном заключении сказано, что причина аварии техническая?

Кайрен посмотрел на неё спокойно.

— Потому что техническое происшествие и административное разбирательство не всегда исключают друг друга.

— Вы допускаете, что в деле могли быть административные проблемы?

— Я допускаю разные возможности, пока не получу достаточно сведений, чтобы исключить их.

Лея хотела сказать, что это звучит подозрительно похоже на её собственную позицию. Но удержалась.

— Моя мать не любила говорить о той ночи, — сказала она. — Я не знаю, было ли это потому, что она что-то скрывала, или потому, что ей было больно вспоминать. Она никогда не рассказывала мне, что отец обнаружил какую-то ошибку. И я не могу утверждать, что он вообще что-либо обнаружил.

Кайрен записал её ответ, затем на несколько секунд задумался.

мался.

— Почему вы начали расследование именно сейчас?

Лея посмотрела на окно.

За матовым стеклом ничего нельзя было различить, кроме рассеянного света. Она подумала, что такое стекло удобно: оно пропускало освещение, но скрывало всё, что находилось по другую сторону.

Возможно, так и выглядела идеальная система. Ничего не прятать полностью, но и не позволять рассмотреть достаточно ясно, чтобы сделать вывод.

— Сначала я не расследовала, — ответила она. — Я проверяла дело.

— В чём разница?

— Я хотела убедиться, что документы оформлены правильно. Увидела ссылку на дополнительное свидетельство, которого не было в составе дела. Потом нашла совпадение индексов с техническим журналом. Мне показалось, что это обычная ошибка регистрации.

— А потом?

— Потом выяснилось, что запись изменили после закрытия дела.

— И это заставило вас продолжить?

— Да.

Кайрен ждал.

Лея понимала, что ей нужно объяснить больше. Не потому, что она обязана оправдываться, а потому, что сама ещё

не до конца разобралась в причине, по которой не могла остановиться.

— Я не могу сказать, что с самого начала подозревала сокрытие информации, — продолжила она. — Я не думала, что кто-то намеренно изменил историю аварии. Но когда я увидела команду в 21:16, которой не должно было быть, я поняла, что официальная последовательность событий не объясняет всё, что записано в технических журналах.

— Вы решили, что кто-то лжёт?

— Нет. Я решила, что есть вопрос, на который пока нет ответа.

— Но теперь вы боитесь, что ответ скрывают.

Лея не сразу ответила.

— Да.

Слово прозвучало тише, чем она рассчитывала.

— Почему?

Она сжала пальцы, затем разжала их.

— Потому что если я перестану задавать вопросы, это несоответствие останется в архиве навсегда. Возможно, оно не имеет отношения к смерти отца. Возможно, это просто ошибка. Но если оно действительно важно, а никто не станет его проверять, то официальный документ продолжит утверждать то, чего мы не можем подтвердить.

Кайрен отложил стилус.

— Вы понимаете, что даже если документ содержит ошибку, это не означает, что кто-то сознательно её допустил?

— Понимаю.

— И что не всякая ошибка требует пересмотра всего дела?

— Понимаю.

— Тогда почему вы воспринимаете отказ как причину продолжать?

Лея посмотрела на него.

— Потому что отказ не объясняет расхождение.

— Но вы не можете требовать, чтобы вам предоставили любой документ только потому, что он способен прояснить вопрос.

— Я и не требую любой документ. Я хочу, чтобы кто-то проверил то, что я обнаружила.

— А если проверка уже проведена?

— Тогда пусть объяснят, как совместимы эти записи.

Кайрен слегка нахмурился.

— Вы хотите получить не доступ к документам, а объяснение?

— Сначала я хотела получить доступ. Теперь я хочу понять, почему открытые записи противоречат друг другу, а сведения, которые могли бы объяснить это противоречие, недоступны.

Он ничего не сказал.

Лея почувствовала, что наконец произнесла то, что давно пыталась сформулировать. Её раздражало не само существование ограничений. Она понимала, что архив не может

быть полностью открытым. Некоторые сведения действительно требуют защиты, особенно если затрагивают безопасность людей или работу критически важной инфраструктуры.

Но между ограничением доступа и запретом на проверку существовала разница.

И она не знала, где именно проходила эта граница.

— Вы когда-нибудь видели последствия того, что происходит, когда неподтверждённая информация распространяется быстрее проверки? — спросил Кайрен.

Вопрос прозвучал иначе, чем предыдущие. В нём не было служебной формулировки.

— Нет, — ответила Лея. — Не так, чтобы помнить.

Кайрен провёл пальцем по краю планшета. Он явно собирался продолжить, но несколько секунд молчал, словно решал, стоит ли говорить.

— Мне было одиннадцать, когда произошли беспорядки в южном секторе, — сказал он наконец. — Тогда сообщили, что в одном из жилых кварталов обнаружили людей, которые намеренно отравляли водопровод. Информация появилась в нескольких независимых каналах почти одновременно. Кто-то утверждал, что видел оборудование, кто-то публиковал фотографии, кто-то называл имена.

— И это оказалось ложью?

— Частично. Вода действительно была загрязнена. Но причина оказалась другой. Повреждение произошло на тех-

ническом участке, а первые сообщения связали его с действиями группы работников, которые обслуживали систему. Их имена распространились раньше, чем завершилась проверка.

Он говорил медленно, не отводя взгляда.

— Люди начали собираться у их домов. Некоторые требовали немедленного наказания. Другие пытались добраться до тех, кого считали виновными. Когда власти восстановили последовательность событий, выяснилось, что часть фотографий была сделана в другое время, а некоторые свидетельства пересказывали друг друга и не имели независимого подтверждения.

— Что стало с теми работниками?

— Двое получили травмы. Семье одного пришлось уехать из города. Позже их оправдали, но оправдание не вернуло им прежнюю жизнь.

Лея молчала.

Она пыталась представить одиннадцатилетнего Кайрена в толпе взрослых, которые кричат, обвиняют и требуют наказания. Пыталась представить, как ребёнок видит людей, чья вина ещё не доказана, но уже не имеет значения для тех, кто уверен в своей правоте.

— Вы были там? — спросила она.

— Недалеко. Моя мать работала в медицинском пункте. Она помогала пострадавшим. Я ждал её в соседнем здании и видел, как люди пытались прорваться через ограждение.

Кайрен на мгновение замолчал.

— Я не знал, кто виноват. Я вообще не понимал, что происходит. Но взрослые вокруг говорили так, будто всё уже решено. Они не сомневались. И каждый новый слух только укреплял их уверенность.

— Поэтому вы пошли работать в Управление согласования?

— Не только поэтому. Но тот случай повлиял на меня.

Лея посмотрела на него внимательнее.

До этого она представляла Кайрена человеком, который верит в систему потому, что вырос внутри неё и никогда не видел причин сомневаться. Теперь перед ней был человек, который помнил, как неподтверждённые обвинения превращались в насилие. Для него контроль над информацией, вероятно, означал не власть над чужими мыслями, а попытку не допустить повторения увиденного.

Это не делало его правым во всём.

Но объясняло, почему он не считал ограничения исключительно злом.

— Вы понимаете, что этот пример работает и в другую сторону? — спросила Лея.

— Как именно?

— Если государство само решает, какие сведения считать подтверждёнными, кто проверяет государство?

Кайрен не ответил.

Лея продолжила:

— Вы рассказали о людях, которых обвинили без достаточных доказательств. Но представьте, что официальная проверка решила бы не публиковать сведения о повреждении водопровода. Или объявила бы, что загрязнения не было, потому что это могло вызвать панику. Тогда люди продолжали бы пользоваться водой, не зная об опасности. Разве контроль над информацией не может привести к тому же результату?

— Может, — сказал Кайрен.

Ответ был настолько неожиданным, что Лея замолчала.

— Значит, вы согласны?

— Я согласен, что это возможно. Но из этого не следует, что все ограничения нужно отменить.

— Я не говорила, что их нужно отменить.

— Вы хотите, чтобы любой сотрудник мог пересматривать официальные решения, если обнаружит противоречие.

— Я хочу, чтобы существовал способ проверить решение, если появились основания сомневаться в его правильности.

— А кто будет определять достаточность этих оснований?

— Не один человек.

— Тогда кто?

Лея открыла рот и снова закрыла его.

Она могла предложить комиссию, независимую проверку, несколько экспертов, публичное рассмотрение. Но каждый из этих вариантов требовал правил, а правила кто-то должен был устанавливать и применять. Даже независимые эксперты

могли ошибаться, вступать в сговор или защищать собственные интересы. Открытые данные могли использоваться для манипуляций. Публикация непроверенных сведений могла навредить людям, которые не имели никакого отношения к происшествию.

Лея впервые почувствовала, насколько трудно ответить на вопрос, который казался ей простым.

— Я не знаю, — призналась она. — Но это не значит, что нынешний порядок автоматически правильный.

Кайрен опустил взгляд на планшет.

— Нет. Не значит.

В комнате стало тихо.

Лея заметила, что он больше не делает записей. Его стилус лежал рядом с планшетом, а на экране оставалась незаполненная строка протокола.

— Вы могли бы записать мой ответ как отсутствие конкретного предложения, — сказала она.

— Это было бы неточно.

— Почему?

— Потому что вы не утверждали, что знаете готовое решение. Вы сказали, что нынешняя система не должна считаться правильной только потому, что уже существует.

Лея посмотрела на него с неожиданным уважением.

Он не пытался превратить её сомнение в признание собственной некомпетентности. Не записал отсутствие ответа как доказательство того, что её позиция несостоятельна. Он

услышал именно то, что она сказала.

— Вы всегда так внимательно выбираете формулировки?

— спросила она.

— Когда составляю протокол — да.

— А когда не составляете?

Кайрен посмотрел на неё.

— Обычно тоже стараюсь.

— Должно быть, утомительно.

— Иногда.

Впервые за всё время беседы Лея улыбнулась. Совсем немного, почти против воли. Кайрен заметил это, но не стал комментировать.

На короткое мгновение между ними исчезло ощущение, что один из них обязан защищаться, а другой — искать нарушение. Они просто разговаривали. Два человека с разным опытом, разными убеждениями и разным пониманием того, что общество должно делать с неудобными фактами.

Лея не стала доверять ему больше.

Но перестала считать его глупым.

Это было важнее, чем ей хотелось признавать.

Кайрен снова взял стилус.

— Я хочу уточнить ещё одну вещь. Вы сказали, что боитесь оставить ошибку в архиве навсегда. Почему для вас это так важно, если вы не знаете, имеет ли она отношение к смерти отца?

Лея задумалась.

Ответить было сложнее, чем она ожидала.

— Наверное, потому что я не хочу, чтобы однажды кто-то другой увидел то же самое и решил, что ему не следует задавать вопросы.

— Вы говорите не только об отце.

— Нет.

Она посмотрела на свои руки.

— Я не могу изменить то, что случилось восемь лет назад. И не могу вернуть отца. Но если документ действительно ошибочен, я хотя бы могу попытаться добиться, чтобы это проверили. Мне не нужно, чтобы виновного обязательно нашли. Мне нужно знать, что вопрос не закрыли только потому, что кому-то так удобнее.

Кайрен долго молчал.

— Это разумная цель, — сказал он наконец. — Но она не гарантирует, что вы получите ответ, который сможете принять.

— Я знаю.

— Возможно, выяснится, что технический журнал содержит ошибку.

— Тогда я буду знать, что её проверили.

— Возможно, поздняя редакция была необходима по причинам, которые не отражены в открытой карточке.

— Тогда я захочу понять, почему эти причины нельзя указать хотя бы в служебной истории.

— А если это связано с защитой людей или инфраструк-

туры?

Лея не ответила сразу.

— Тогда, возможно, мне придётся принять, что некоторые сведения я не могу получить. Но я всё равно хочу знать, что решение принимали на основании фактов, а не просто потому, что так предписано.

Кайрен медленно кивнул.

— Понимаю.

Лея не знала, действительно ли он понимал. Но впервые это слово не прозвучало как формальная часть разговора.

Он завершил запись и показал ей экран.

— Это протокол беседы. Прочитайте, пожалуйста. Если я неверно передал ваши слова, можно внести исправления до подтверждения.

Лея начала читать.

Там были её ответы о детстве, отце, техническом несоответствии и причинах, по которым она продолжала проверку. Были вопросы Кайрена и краткое изложение его рассказа о беспорядках. Никаких обвинений, никаких утверждений о том, что она подозревает Управление в преступлении.

В конце стояла формулировка:

«Сотрудник указывает на необходимость дополнительной проверки несогласованности временных отметок и считает недостаточным прекращение рассмотрения вопроса без объяснения причин выявленного расхождения».

Лея остановилась на этой строке.

— Вы не указали, что я считаю изменение документа намеренным.

— Потому что вы не утверждали этого как установленный факт.

— Вы могли бы написать, что я допускаю такую возможность.

— Это отражено в предыдущем разделе.

Она продолжила чтение.

Ошибок не было. По крайней мере, тех, которые она могла заметить.

Лея подтвердила протокол.

— Спасибо, — сказала она.

Кайрен поднял глаза.

— За что?

— За то, что не приписали мне слов, которых я не говорила.

Он слегка нахмурился, будто не понимал, почему это требовало благодарности.

— Это моя работа.

— Тогда, возможно, я слишком привыкла к тому, что люди считают свою работу поводом не объяснять ничего остального.

Кайрен не ответил. Но в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на понимание.

Беседа завершилась в 11:42.

Лея вышла из комнаты с ощущением, что ничего не из-

менилось, хотя разговор оказался важнее предыдущего. Её доступ по-прежнему оставался ограниченным. Проверка не была завершена. Кайрен не обещал предоставить ей новые материалы.

И всё же она узнала о нём кое-что, чего не могла найти в служебной карточке.

Он боялся не вопросов.

Он боялся того, что люди могут сделать, когда уверены в собственной правоте и перестают сомневаться.

Лея понимала этот страх, даже если не соглашалась с тем, к чему он его приводил.

А Кайрен, кажется, впервые допустил, что стремление к проверке не обязательно означает желание разрушить порядок.

Иногда оно означало только желание убедиться, что порядок не построен на ошибке.

После ухода Леи Кайрен ещё некоторое время сидел в комнате для служебных бесед.

Он перечитал протокол, проверил отметку о подтверждении и закрыл запись. Затем открыл материалы, полученные по его запросу накануне. Копия открытой части журнала управляющих сигналов была зарегистрирована в системе Управления согласования и снабжена стандартной отметкой о происхождении.

Кайрен начал с технической записи о команде в 21:16.

Время совпадало с тем, которое называла Лея. Совпадал и

номер оборудования. Он открыл сопроводительную карточку, проверил дату создания записи и перешёл к истории редакций заключения комиссии.

Именно этот раздел интересовал его больше всего.

Если последняя редакция действительно появилась после закрытия дела, требовалось установить основание для её утверждения. Это не означало, что документ изменили незаконно. Но отсутствие видимого основания требовало объяснения.

Кайрен запросил регистрационную цепочку редакции.

Система сообщила, что сведения доступны в служебном фонде Управления согласования.

Он открыл ссылку.

На экране появилось название заключения, номер дела и список версий. Первая запись относилась к дате первоначального утверждения. Вторая — к закрытию дела. Третья была добавлена позднее и содержала отметку о согласовании.

Кайрен сверил временные отметки.

Вчера, когда он впервые изучал карточку, последняя редакция была зарегистрирована в 09:32:11.

Сейчас на её месте стояло другое время.

09:47:36.

Он замер.

Разница составляла пятнадцать минут и двадцать пять секунд.

Кайрен проверил дату. Та же самая.

Он открыл сведения о текущей версии. В строке состояния значилось: «Данные синхронизированы». Никаких предупреждений о техническом сбое система не выдавала.

Кайрен вернулся к предыдущему экрану и обновил карточку.

Время осталось прежним.

Он проверил регистрационный номер. Он не изменился. Не изменился и статус утверждения. Но отметка о последней редакции теперь указывала на время, отличавшееся от того, которое он видел до беседы с Леей.

Он открыл журнал собственного запроса.

Запрос был зарегистрирован вчера в 16:08. Ответ сформировали в 16:11. В приложенной служебной копии время редакции заключения составляло 09:32:11.

Кайрен сверил электронную подпись копии. Она была действительной.

Затем проверил время получения файла. Копия поступила в Управление после регистрации запроса и не могла быть создана раньше указанного времени.

Он посмотрел на часы.

Сначала ему пришло в голову, что он ошибся. Возможно, запомнил другую отметку. Возможно, перепутал два документа с похожими индексами. Возможно, время изменилось в результате обычной синхронизации.

Но он не полагался на память, когда речь шла о служеб-

ных данных. Он открыл сохранённую копию и сравнил её с текущей карточкой.

09:32:11.

09:47:36.

Две версии одного и того же регистрационного события.

Кайрен откинулся на спинку кресла.

Лея утверждала, что документы не складываются в единую последовательность. Он считал, что она могла слишком быстро связать техническую несогласованность с возможным вмешательством. Это всё ещё оставалось возможным. Различие во времени само по себе не доказывало подделки, а изменение регистрационной отметки могло иметь законное объяснение.

Но теперь перед ним возникло новое противоречие.

Не в открытом архиве, где запись могла быть неполной.

В служебной копии, которую он получил сам.

Кайрен проверил права доступа к истории изменений. Его допуск позволял просматривать регистрационные события, связанные с назначенной проверкой. Однако подробная карточка изменения отображала только последнее значение, без имени инициатора и основания.

Он открыл раздел запросов на уточнение.

Система предложила отправить обращение в подразделение, отвечавшее за ведение регистрационной цепочки. В стандартной форме требовалось указать номер дела, спорную отметку и причину проверки.

Кайрен заполнил первые два поля.

В третьем остановился.

Если он зарегистрирует несоответствие, оно попадёт в служебный маршрут и будет рассмотрено в установленном порядке. Это было правильно. Именно так он и должен был поступить.

Но тогда о его наблюдении узнают сотрудники, которые отвечали за эту часть системы. Он не знал, имели ли они отношение к изменению отметки. Не знал, была ли новая версия следствием технической процедуры или чьего-то решения.

Он не хотел делать выводы без доказательств.

И всё же не хотел, чтобы запись снова изменилась прежде, чем кто-нибудь успеет её проверить.

Кайрен закрыл форму, не отправляя её.

Затем создал локальную служебную заметку, указал номер дела, время, отображавшееся в копии, и время, отображавшееся в текущей карточке. Он сохранил ссылку на полученный файл и отдельно отметил, что причина расхождения не установлена.

Никаких обвинений.

Никаких предположений о виновных.

Только два значения и дата проверки.

Он перечитал заметку и убедился, что она не содержала ничего, чего он не мог подтвердить.

Потом убрал её в защищённый раздел личных рабочих

материалов.

Кайрен не знал, что именно произошло с историей редакций. Возможно, через час появится объяснение. Возможно, выяснится, что система исправила ошибку синхронизации. Возможно, он сам упустил какую-то деталь.

Но он уже не мог считать, что проверяет только действия Леи.

Теперь он проверял и документ, который ему поручили защищать от необоснованных сомнений.

Кайрен погасил экран.

О том, что обнаружил, он пока никому не сообщил.

Глава 7. Неподтверждённый свидетель

Лея начала с имён.

Если дополнительное свидетельство действительно существовало, у него должен был быть источник. Кто-то составил запись, кто-то передал её в архив, кто-то присвоил ей индекс. Даже если документ исключили из дела, человек, который его предоставил, не мог исчезнуть из всех реестров одновременно.

По крайней мере, так ей казалось.

Утром она открыла доступный реестр бывших работников транспортного узла № 7. После изменения уровня допуска ей по-прежнему разрешалось работать с кадровыми записями, если они не содержали сведений ограниченного характера. Она могла искать фамилии, проверять даты трудоустройства, сопоставлять должности и устанавливать, кто находился на смене в день аварии.

Это была обычная архивная работа. Никаких особых разрешений не требовалось.

Лея задала параметры поиска: транспортный узел № 7, дата происшествия, период за три месяца до аварии и месяц после неё. Такой промежуток позволял учесть не только штатных сотрудников, но и временных работников, специалистов подрядных организаций и тех, кто мог быть переве-

дён на другой объект незадолго до происшествия.

Система выдала список.

Лея просмотрела его один раз, затем второй. Среди имён были инженеры, операторы, диспетчеры, сотрудники технического обслуживания. Некоторые уволились задолго до аварии, другие продолжили работать на узле ещё несколько лет.

Она открыла список дежурной смены.

Арен Вейр значился в нём как технический специалист, отвечавший за диагностику управляющего оборудования. Его имя стояло рядом с отметкой о допуске к аварийному контуру.

Лея задержала взгляд на строке.

Она знала должность отца, но прежде никогда не смотрела на неё в таком контексте. В семейных воспоминаниях он был человеком, который чинил вещи, объяснял устройство механизмов и терпеливо показывал, как пользоваться инструментами. Здесь он превращался в набор служебных полномочий, каждое из которых можно было сопоставить с конкретным событием.

Она закрыла карточку и вернулась к поиску.

Исключённое свидетельство не содержало имени в доступной части дела. Но в предыдущих документах сохранился индекс: ТУ-7/С-04.

Лея ввела его в поисковую строку кадрового реестра.

Результатов не было.

Она попробовала другой формат, убрав разделители. За-

тем указала только номер узла и последние две цифры индекса. Система выдала несколько записей, но ни одна не относилась к свидетельству.

Лея проверила реестр посетителей, список временных допусков и журнал регистрации сторонних специалистов. В этих разделах хранились сведения о людях, которые могли находиться на территории транспортного узла, не являясь его постоянными сотрудниками.

Ничего.

Она не ожидала, что имя появится сразу. Документ был исключён из дела, а значит, его источник могли зарегистрировать в другом разделе. Возможно, свидетель работал в подрядной организации. Возможно, он сообщил сведения анонимно. Возможно, его запись была частью технического отчёта, а не отдельным показанием.

Лея расширила поиск на весь город и весь период вокруг аварии.

Система предложила двадцать семь результатов, связанных с техническими происшествиями на транспортных объектах. Она последовательно исключала неподходящие записи, сверяя даты, номера подразделений и коды оборудования.

На двадцать третьем результате обнаружилась ссылка, которая заставила её остановиться.

«Материалы перенесены в специализированный исторический фонд. Доступ определяется отдельным порядком

хранения».

В поле исходного документа значился номер ТУ-7/С-04.

Лея открыла карточку.

В ней не было имени свидетеля. Не было описания переданных сведений. Только дата переноса, номер регистрационной цепочки и обозначение архива-получателя.

Она нажала на ссылку.

АРХИВ НЕДОСТУПЕН.

Под сообщением стояло пояснение: фонд был закрыт на основании административного решения, принятого задолго до начала её работы в Центральном архиве.

Лея проверила дату.

Решение о закрытии приняли через несколько месяцев после аварии.

Она перечитала строку, пытаясь понять, что именно это означало. Архив мог быть закрыт по обычным причинам: завершение проекта, реорганизация учреждения, перевод документов в долгосрочное хранение. В Неваре существовали фонды, доступ к которым ограничивался на десятилетия, особенно если они содержали технические данные критически важных объектов.

Но почему именно туда перенесли свидетельство, связанное с аварией?

Она открыла карточку переноса и проверила доступные сведения о получателе. Название фонда было сокращено, а полное наименование отсутствовало. В строке примечаний

сохранились две буквы:

Н.Р.

Лея записала обозначение в блокнот.

Затем вернулась к поиску и попыталась найти другие документы с тем же кодом. Система выдала несколько результатов, относящихся к старым административным делам. У всех был одинаковый статус: перенесены в специализированный исторический фонд.

Ни один документ не содержал расшифровки обозначения.

Она попробовала поиск по полному сочетанию букв и номера фонда. Результат оказался тем же.

Лея откинулась на спинку кресла.

Это уже не было простой ошибкой в одном документе. Она нашла целую цепочку записей, которые указывали на существование другого архива, недоступного через обычную систему поиска. Сам по себе такой архив не был доказательством сокрытия информации. Но он объяснял, почему часть материалов исчезла из доступного дела.

Они не обязательно были уничтожены.

Их могли перенести туда, где она не имела права их искать.

Лея закрыла реестр и открыла собственную заметку. Она перечислила найденные ссылки, даты и номера, стараясь не делать выводов раньше времени.

ТУ-7/С-04 — источник не установлен.

Кадровые реестры — совпадений нет.

Ссылка на специализированный исторический фонд.

Дата закрытия фонда — через несколько месяцев после аварии.

Обозначение в карточке переноса — Н.Р.

Она перечитала список.

Ни одно из этих сведений не отвечало на главный вопрос. Кто был исключённым свидетелем?

Возможно, имя находилось в закрытом архиве. Возможно, свидетель вообще не был сотрудником транспортного узла. Возможно, запись содержала не показания человека, а технические сведения, которые в ходе оформления дела обозначили как дополнительное свидетельство.

Лея не могла исключить ни одну из версий.

Но официальный путь поиска закончился.

Она могла подать новый запрос, однако уже знала, что произойдёт. Ей ответят, что доступ определяется отдельным порядком. Возможно, направят к непосредственному руководителю. Возможно, зарегистрируют очередное обращение как потенциальное нарушение процедуры.

Она не могла получить доказательства через систему, которая сама определяла, какие следы этих доказательств ей разрешено видеть.

Это не означало, что система была виновна.

Но означало, что для продолжения поиска ей требовался другой источник.

Лея вспомнила старый бумажный каталог.

Несколько лет назад Центральный архив переводил часть исторических фондов в цифровой формат. Работой руководила бывшая сотрудница архивного отдела по имени Севра Нол. Тогда Лея ещё не работала в архиве, но слышала о ней от коллег: Севра знала старую систему индексации и могла по одному регистрационному номеру определить, в каком шкафу хранилась бумажная карточка, даже если электронная запись была неполной.

Сейчас Севра уже не занимала должность в Центральном архиве. По сведениям кадрового реестра, она ушла на пенсию несколько лет назад.

Лея открыла старый справочник сотрудников и нашла контакт для служебных консультаций. Номер был действующим, но она не стала сразу звонить. Сначала написала короткое сообщение, в котором не упоминала ни смерть отца, ни подозрения относительно изменения документов.

Она спросила, сохранились ли у Севры сведения о старых индексах транспортного узла № 7 и порядке регистрации дополнительных свидетельств.

Ответ пришёл через двадцать минут.

«Какие именно индексы?»

Лея указала ТУ-7/С-04 и обозначение Н.Р.

На этот раз ответа не было дольше.

Она успела проверить ещё два дела, завершить одну карточку и получить уведомление о расписании следующей сме-

ны. Когда экран наконец показал новое сообщение, Лея открыла его почти сразу.

«Позвоните после окончания рабочего дня. Не отправляйте больше номеров в переписке».

Лея перечитала сообщение.

Севра не спрашивала, зачем ей понадобились сведения. Не предложила обратиться в официальный отдел. И не написала, что такие материалы не входят в её компетенцию.

Она просто попросила больше не отправлять номера.

Это могло означать что угодно. Возможно, Севра не хотела обсуждать служебные документы через обычную переписку. Возможно, опасалась нарушить правила хранения. Возможно, уже сталкивалась с подобными запросами и знала, что даже невинный разговор способен вызвать нежелательное внимание.

Лея не стала гадать.

Она дождалась окончания смены и позвонила.

Севра ответила после третьего сигнала.

— Слушаю.

Голос оказался ниже, чем Лея ожидала. В нём не было старческой слабости, только сухая усталость человека, который не любит тратить слова впустую.

— Здравствуйте. Это Лея Вейр. Мы переписывались по поводу старых индексов.

— Помню. Вы работаете в Центральном архиве?

— Да, младшим архивистом.

— Давно?

— Чуть больше года.

— И зачем вам понадобился каталог восьмилетней давности?

Лея приготовилась к этому вопросу.

— Я проверяю полноту одного закрытого дела. В доступных записях есть ссылка на дополнительное свидетельство, которое перенесли в специализированный исторический фонд. Электронная карточка не содержит имени источника. Я пытаюсь установить, как в то время регистрировали такие документы.

Она не солгала. Просто не рассказала всего.

Севра помолчала.

— Назовите индекс ещё раз.

— ТУ-7/С-04.

— И обозначение?

— Н.Р.

На другом конце линии послышался тихий звук, будто Севра положила что-то на стол.

— Это старый формат, — сказала она. — В нынешней системе он почти не используется.

— Вы знаете, что означает Н.Р.?

— Возможно. Но мне нужно посмотреть каталог.

Лея почувствовала облегчение, которое тут же попыталась сдержать.

— Вы можете помочь мне найти его?

— Я могу посмотреть старую карточку. Не обещаю, что в ней будет ответ.

— Этого достаточно.

— Нет, недостаточно. Вы должны понимать, что старые бумажные каталоги не всегда совпадают с цифровыми реестрами. Некоторые индексы менялись при переносе, некоторые записи объединяли, некоторые документы получали новые номера. Если вы найдёте расхождение, это ещё не будет означать, что кто-то его намеренно создал.

Лея невольно улыбнулась. Она слышала похожие слова от Кайрена, но из уст Севры они звучали иначе. Не как предупреждение, а как профессиональное правило.

— Я понимаю.

— Нет, пока не понимаете. Но, возможно, поймёте, если будете осторожны.

Севра назвала время и место встречи. Они договорились увидеться на следующий день в небольшой читальной комнате городского научного центра, где бывшие сотрудники архивов иногда консультировали исследователей по старым фондам. Это было общественное учреждение, не связанное напрямую с Центральным архивом, и для посещения не требовался специальный допуск.

Перед тем как завершить разговор, Севра добавила:

— И ещё одно, Лея. Я не хочу рисковать работой людей, которые до сих пор служат в архиве.

— Но вы уже не работаете там.

— Я не работаю там официально. Это не значит, что у меня нет бывших коллег, друзей и людей, которым я обязана. Если вы ищете способ доказать, что кто-то подделал документы, я не буду вам помогать.

— Я не знаю, подделывал ли их кто-нибудь.

— Хорошо. Тогда мы сможем поговорить.

Связь прервалась.

На следующий день Лея пришла в научный центр за десять минут до назначенного времени.

Помещение находилось на первом этаже старого здания, которое сохранилось ещё до перестройки административного квартала. Здесь не было автоматических турникетов, световых табло и бесшумных транспортных капсул. Люди входили через обычные двери, снимали верхнюю одежду, разговаривали в коридорах. На стенах висели бумажные объявления о лекциях и выставках.

Лея вдруг поняла, что давно не бывала в месте, где информация не появлялась на экране сразу после запроса.

Она прошла в читальную комнату.

Севра уже сидела за столом. Перед ней лежала тонкая папка, рядом — небольшой блокнот и очки в тёмной оправе. Она оказалась невысокой женщиной с короткими седыми волосами и внимательными глазами. На вид ей было около шестидесяти. Она не поднялась, когда Лея подошла, но указала на свободный стул.

— Садитесь.

Лея села напротив.

— Спасибо, что согласились встретиться.

— Пока я только согласилась посмотреть каталог.

Севра достала из папки несколько листов. Бумага пожелтела по краям, но текст оставался чётким. На первом листе был напечатан список регистрационных индексов, на втором — таблица соответствия старой и новой систем обозначений.

Лея сразу заметила, что формат отличается от современного. Вместо длинных цифровых кодов использовались буквенные сокращения, номера подразделений и короткие отметки о типе документа.

— До цифрового переноса у нас было несколько параллельных систем регистрации, — объяснила Севра. — Технические службы вели собственные журналы, архив фиксировал поступление документов, а комиссии создавали отдельные перечни материалов. Иногда один документ существовал под тремя номерами. Если при переносе не удавалось установить точное соответствие, запись получала дополнительный индекс.

— То есть совпадение индексов не обязательно означает, что документы связаны?

— Именно. Иногда означает. Иногда — нет. Нужно смотреть на цепочку регистрации.

Она провела пальцем по таблице.

— Покажите ваш номер.

Лея назвала его.

Севра нашла строку, затем сверилась со вторым листом. Несколько секунд она молчала, двигая очки выше на переносице.

— Здесь есть ссылка на дополнительную запись, — сказала она. — Но имя источника в этой карточке не указано. Видите?

Она повернула лист к Лее.

В строке стоял индекс ТУ-7/С-04. Рядом было обозначение типа документа и номер серии. Графа с именем оставалась пустой. В соседнем столбце значилась отметка о переносе в исторический фонд.

— Почему имя не указано? — спросила Лея.

— По нескольким причинам. Источник мог быть зарегистрирован отдельно. Свидетель мог попросить не раскрывать его личность. Или карточка относилась не к человеку, а к приложению, которое содержало сведения из нескольких источников.

— А можно узнать, какая причина здесь?

— Не по этой карточке.

Севра перевернула страницу.

На обороте имелась короткая запись, сделанная от руки. Почерк был мелким и наклонным. Лея смогла разобрать дату, номер фонда и две буквы.

Н.Р.

— Вот оно, — сказала она.

Севра не ответила.

— Что это означает?

— Я пока не могу сказать наверняка.

— Но вы знаете этот код?

Севра сняла очки и протёрла их краем ткани.

— Я видела его в старых каталогах. Он использовался в нескольких сериях документов. Без полного заголовка нельзя утверждать, что речь идёт об одном и том же подразделении или проекте.

— А здесь?

— Здесь я могу сказать только то, что вижу: запись относилась к серии, которую не перенесли в открытый каталог полностью.

— Почему?

— Возможно, потому что серия была закрыта. Возможно, потому что при переносе её разделили на несколько фондов. Возможно, потому что документы содержали сведения, которые нельзя было публиковать в общем реестре.

Лея почувствовала знакомое разочарование. Она надеялась, что бумажный каталог даст ей хотя бы направление, но снова получала несколько возможных объяснений вместо одного ответа.

— Вы говорили, что знаете старую систему, — сказала она.

Севра посмотрела на неё поверх очков.

— Я знаю, как она работала. Это не означает, что я знаю

содержание каждого закрытого фонда.

— Но вы можете сказать, где искать продолжение?

Севра вернулась к таблице.

— Есть ссылка на серию документов с тем же обозначением. Возможно, там сохранилось описание. Но сама серия находится в фонде, который закрыли до цифрового переноса.

— В том самом историческом архиве?

— Судя по отметке, да.

Лея посмотрела на лист.

Она снова оказалась перед закрытой дверью. Только теперь дверь была не цифровой, а бумажной. У неё был индекс, дата и направление поиска, но не было доступа к содержанию.

— Значит, дальше я ничего не смогу сделать, — произнесла она.

— Почему? Вы можете запросить официальный доступ.

Лея подняла глаза.

— Я уже пыталась.

Севра внимательно посмотрела на неё.

— И что произошло?

— Мой запрос отклонили. После этого ограничили доступ к истории изменений, а проверку моих обращений передали в Управление согласования.

Севра медленно сложила листы.

— Кто занимается проверкой?

— Кайрен Сол.

На этот раз Севра отреагировала заметно. Не испугалась и не удивилась, но задержала руку над папкой.

— Молодой сотрудник?

— Да.

— Вы с ним разговаривали?

— Дважды.

— И что он вам сказал?

Лея коротко пересказала беседы. Она не стала добавлять собственные оценки, но упомянула, что Кайрен признал наличие поздней редакции заключения и забрал копию открытого журнала для служебной проверки.

Севра слушала молча.

— Он хотя бы изучает документы, — сказала она, когда Лея закончила.

— Вы его знаете?

— Лично — нет. Но я знаю, как работает Управление. Если сотруднику поручили проверку, он должен выяснить, были ли соблюдены процедуры. Это не означает, что ему позволят пересмотреть само решение, которое он проверяет.

— Вы считаете, что ему не дадут проверить документы?

— Я считаю, что полномочия и возможности — разные вещи.

Лея вспомнила вопрос Кайрена: кто будет определять достаточность оснований для пересмотра официального решения? Тогда она не смогла дать ответ. Теперь понимала, что Севра говорит о той же проблеме, только с другой стороны.

— Вы думаете, он может быть честным человеком и всё равно ничего не сделать? — спросила она.

— Конечно. Люди редко ограничены только собственными намерениями.

Севра убрала очки в футляр и снова открыла папку.

— Послушайте, Лея. Я не хочу, чтобы вы решили, будто любой закрытый документ скрывает преступление. За годы работы я видела много странных записей. Иногда они указывали на серьёзные ошибки. Иногда — на обычную небрежность. А иногда люди пытались найти заговор там, где просто не сохранилась часть документов.

— Но иногда ошибки действительно скрывали намеренно?

— Да.

Севра произнесла это без колебаний.

Лея замерла.

— Вы сталкивались с таким?

— Я сталкивалась с тем, что некоторые решения принимались не ради точности документов, а ради последствий, которые могли вызвать эти документы. Это не всегда означало подделку. Иногда сведения откладывали до завершения проверки. Иногда не публиковали имена людей, которым угрожала опасность. Иногда скрывали обстоятельства, потому что боялись новых беспорядков.

— И это было правильно?

Севра долго смотрела на неё.

— Иногда это помогало избежать беды. Иногда позволяло тем, кто принимал решения, избежать ответственности. А иногда происходило и то и другое одновременно.

Лея почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Как можно отличить одно от другого?

— Только проверяя не одно решение, а всю цепочку: что знали люди в тот момент, какие у них были варианты, кто мог оспорить их действия и что произошло после. Но если у вас нет документов, вы не сможете ответить на эти вопросы.

— А если документы закрыты?

— Тогда вы должны выяснить, кто и на каком основании закрыл их. Но не предполагать заранее, что причина обязательно преступная.

Лея посмотрела на бумажную карточку.

Она не получала от Севры того, на что надеялась. Ни имени свидетеля, ни расшифровки Н.Р., ни доказательства того, что историю аварии изменили намеренно. Но разговор впервые дал ей понять, что её вопрос может быть сложнее, чем она думала.

Возможно, документы закрыли, чтобы защитить кого-то.

Возможно, чтобы скрыть ошибку.

Возможно, чтобы не допустить повторения событий, которые когда-то едва не привели к катастрофе.

И если она хотела узнать правду, ей придётся выяснить не только то, что произошло, но и почему люди решили, что некоторые сведения нельзя оставлять открытыми.

— Я могу сфотографировать карточку? — спросила Лея.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Севра убрала лист в папку.

— Это не мой документ, и я не имею права разрешать копирование. Вы можете записать открытые регистрационные данные, которые я вам показала. Но не фотографировать и не выносить листы из комнаты.

Лея кивнула.

Она записала номер серии, дату и обозначение фонда. Ничего больше. Севра внимательно следила за тем, что она вносит в блокнот, и несколько раз уточнила, чтобы Лея не перепутала цифры.

Когда записи были закончены, Лея закрыла блокнот.

— Спасибо. Я понимаю, что вы рискуете, даже просто помогая мне.

— Не преувеличивайте. Я не передавала вам закрытые материалы. Я показала старую регистрационную карточку, с которой работала много лет назад.

— Но вы сказали, что не хотите рисковать бывшими коллегами.

— Потому что не хочу. И не хочу, чтобы вы втянули кого-нибудь в историю, в которой пока не понимаете даже половины обстоятельств.

Лея поднялась.

— Я постараюсь быть осторожной.

— Постарайтесь быть точной. Это важнее.

Они попрощались. Лея вышла из читальной комнаты, а Севра осталась за столом, собирая листы в папку.

Уже у двери Лея слышала её голос:

— Лея.

Она обернулась.

Севра смотрела на неё с выражением, которое было трудно истолковать.

— Вы сказали, что хотите установить имя свидетеля. Если вам удастся его найти, не думайте, что его показания обязательно подтвердят вашу версию.

— Я понимаю.

— Нет. Пока вы только допускаете такую возможность. Это разные вещи.

Лея не стала спорить.

— Я буду помнить об этом.

Севра кивнула и вернулась к папке.

По дороге домой Лея несколько раз доставала блокнот и проверяла записи.

Обозначение Н.Р. повторялось в карточках, связанных с закрытым историческим фондом. Полное название серии отсутствовало. Источник дополнительного свидетельства не был указан. В старом бумажном каталоге сохранилась ссылка на продолжение, но само продолжение оставалось недоступным.

Она могла предположить, что буква «Н» означала «нуле-

вой», «независимый», «неподтверждённый» или что-то совершенно другое. Но ни одно из этих слов не имело достаточного основания. Расшифровка могла относиться к подразделению, проекту, типу документа или внутреннему порядку хранения.

Она не стала выбирать.

Вместо этого Лея открыла список своих заметок и добавила новую строку:

«Установить полное название серии Н.Р. по независимому источнику».

Она не знала, где искать этот источник.

Впервые за всё время расследования ей пришлось признать, что привычные архивные навыки могут привести её только до определённой границы. Она умела сопоставлять индексы, проверять регистрационные цепочки и находить ошибки в документах. Но она не могла открыть закрытый фонд силой профессиональной настойчивости.

Ей требовался человек, который знал систему изнутри и мог указать, где искать дальше.

Севра помогла ей, но не собиралась идти дальше. И Лея не могла её за это осуждать.

Когда она добралась до дома, на экране терминала появилось новое сообщение от бывшей сотрудницы архива.

Лея открыла его.

«Я проверила дополнительные записи по серии Н.Р. Не всё сохранилось, но кое-что вспомнила. Несколько лет назад

кто-то уже запрашивал эти документы. Запрос был оформлен официально, через архивный отдел. После проверки мне сообщили, что обращение закрыто и материалы не подлежат дальнейшему рассмотрению».

Лея быстро набрала ответ:

«Кто подавал запрос?»

Ответ пришёл не сразу.

«Не помню имени. Я тогда не занималась этим делом напрямую. Но помню, что запрос был необычным: его несколько раз возвращали на уточнение, а затем передали в Управление согласования».

Лея перечитала сообщение.

«Что произошло потом?»

На этот раз Севра ответила почти сразу.

«Через некоторое время я попыталась найти запись об обращении, чтобы уточнить номер фонда. В системе её уже не было. Не только самого запроса — исчезли и ссылки на проверку. Я решила, что запись перенесли в другой раздел, но найти её не смогла».

Лея почувствовала, как холодеют пальцы.

Она набрала ещё одно сообщение, затем остановилась, не отправив его. Севра уже и так помогла больше, чем обещала. Каждая новая просьба могла втянуть её в расследование, от которого она хотела держаться в стороне.

Вместо вопроса Лея написала:

«Спасибо. Я не буду упоминать ваше участие без разре-

шения».

Севра ответила коротко:

«И не делайте выводов раньше времени».

Лея закрыла переписку и открыла блокнот.

Она записала последнее сообщение отдельным пунктом, не смешивая его с подтверждёнными архивными данными.

По словам Севры Нол, несколько лет назад существовал официальный запрос на материалы серии Н.Р. После проверки запись об обращении и связанные ссылки исчезли из доступной системы. Причина неизвестна.

Лея перечитала написанное.

Теперь у неё было два независимых признака того, что серия документов существовала не только на бумаге. Старая карточка указывала на закрытый фонд. Севра помнила официальный запрос, который не удалось найти позднее.

Но она по-прежнему не знала, кто подавал этот запрос. Не знала, почему его закрыли. И не могла утверждать, что исчезновение ссылок было намеренным.

Она закрыла блокнот и посмотрела на тёмный экран.

До этой минуты ей казалось, что она ищет человека, чьё свидетельство исключили из дела отца.

Теперь она понимала, что, возможно, кто-то другой уже пытался найти тот же ответ.

И его попытка исчезла из архива.

Лея не знала, что именно это означало.

Но впервые у неё возникло подозрение, что дело транс-

портного узла № 7 было не единственным, в котором история менялась после того, как её считали завершённой.

Глава 8. Первый компромисс

Лея не сразу рассказала матери о Севре Нол.

Весь вечер она возвращалась к переписке с бывшей сотрудницей архива, перечитывала свои записи и пыталась понять, что делать дальше. Теперь у неё было достаточно сведений, чтобы подозревать: история аварии могла быть сложнее, чем утверждал официальный отчёт. Но не было ни одного доказательства, которое позволило бы обвинить конкретного человека.

Она не знала, кто был исключённым свидетелем. Не знала, что означало обозначение Н.Р. Не знала, почему несколько лет назад исчезли следы запроса к закрытому фонду.

Зато она знала, что её собственные действия уже привлекли внимание Управления согласования.

И это начинало беспокоить её сильнее, чем прежде.

Лея открыла служебный профиль. Статус проверки оставался прежним. Новых уведомлений не было, но ограничение доступа никуда не исчезло. Она могла продолжать работу с открытыми фондами, однако история изменений по делу транспортного узла № 7 оставалась недоступной.

На первый взгляд ничего страшного не произошло. Она не лишилась должности, не получила официального взыскания и не была отстранена от работы. Но теперь любое её обращение фиксировалось особенно тщательно. Если про-

верка завершится выводом о нарушении процедуры, последствия могли оказаться серьёзнее временного ограничения доступа.

Лея закрыла профиль.

Она привыкла думать о своих действиях как о профессиональной проверке. Архивист обнаружил несоответствие, архивист попытался установить причину, архивист сообщил о результатах. В этой последовательности не было ничего необычного.

Но теперь она всё чаще думала о том, что случится, если её работу сочтут нарушением.

Центральный архив был не просто местом, где она проводила рабочие часы. Это был её основной источник дохода. Она жила вместе с матерью и младшим братом, и хотя семья не зависела исключительно от её заработка, потеря работы стала бы серьёзным ударом.

Терен собирался поступать в учебную программу при городском техническом институте. Для участия требовалось не только сдать вступительные испытания, но и пройти проверку документов семьи. По официальным правилам проверка касалась финансовых обязательств и достоверности сведений, указанных в заявлении. Никакого прямого запрета на поступление из-за дисциплинарного дела родственника не существовало.

Но Лея знала, как много в Неваре зависело от административных оценок.

Формально всё могло быть разрешено. На практике человеку могли предложить подождать следующего набора, уточнить документы, пройти дополнительное собеседование. Каждое отдельное решение выглядело разумным, а в итоге путь закрывался без единого официального отказа.

Она не знала, могло ли такое произойти с Тереном.

Но не могла исключить эту возможность.

Вечером брат сидел за кухонным столом и заполнял электронную анкету. Перед ним лежали распечатанные задания по математике и механике, а на экране отображался список требований к поступлению.

— Ты уже отправил заявление? — спросила Лея.

Терен не поднял головы.

— Почти. Осталось подтвердить сведения о семье.

— А когда будут результаты?

— После проверки документов. Потом испытания.

Он наконец посмотрел на неё.

— А что?

— Ничего. Просто интересуюсь.

— Ты в последнее время часто интересуешься всякими проверками.

Лея остановилась у холодильника.

— Это моя работа.

— Я знаю.

Терен вернулся к анкете, но через несколько секунд снова заговорил:

— Кстати, сегодня в институте обсуждали изменения в правилах допуска. Говорят, теперь будут внимательнее проверять заявления, если у семьи есть незавершённые административные дела.

Лея почувствовала неприятный холод в груди.

— Кто сказал?

— Преподаватель. Он объяснял, почему нельзя откладывать подачу документов. Вроде бы речь о том, чтобы не допускать ошибок при зачислении.

— А что считается незавершённым административным делом?

Терен пожал плечами.

— Не знаю. Нарушения, наверное. Судебные споры, долги, проблемы с документами. Я не вникал.

Он снова сосредоточился на экране.

— Мне-то нечего скрывать.

Лея ничего не ответила.

Она не хотела рассказывать брату о проверке. Не хотела, чтобы он начал переживать из-за того, чего, возможно, никогда не произойдёт. Но после его слов ей стало трудно думать о собственном расследовании как о личном деле, последствия которого касались только её.

Если она ошибётся, под удар может попасть не только её карьера.

Терен не выбирал, в каком архиве работает его сестра. Не просил её искать сведения об аварии. Он просто хотел учить-

ся, как и многие другие подростки в Неваре, которые надеялись получить профессию и жить без постоянной необходимости доказывать свою благонадёжность.

Лея посмотрела на него и вдруг увидела, насколько он ещё молод.

Он верил, что если правильно заполнить документы, сдать экзамены и соблюдать правила, то результат будет зависеть от его собственных усилий. Эта вера казалась ей одновременно наивной и необходимой.

Она не хотела разрушать её.

— Если возникнут вопросы по анкете, покажи мне, — сказала Лея. — Я помогу проверить документы.

Терен улыбнулся.

— Хорошо.

На этом разговор закончился.

Но вопрос остался.

Мать вернулась поздно.

Лея услышала, как открылась входная дверь, как в прихожей зашуршала одежда и на пол мягко опустилась сумка. Через минуту мать появилась на кухне, устало сняла обувь и поставила чайник.

— Ты ещё не спишь?

— Нет.

— Что-то случилось?

Лея не ответила сразу.

Ей хотелось рассказать всё. Про техническую запись, про

позднюю редакцию, про закрытый архив и человека, который несколько лет назад пытался получить доступ к тем же документам. Хотелось спросить, помнит ли мать что-нибудь о последних днях отца, о его работе, о бумагах, которые он мог приносить домой.

Но она знала, что мать не станет воспринимать эти сведения как набор нейтральных фактов.

Для неё авария не была архивной задачей.

Это была ночь, после которой жизнь семьи разделилась на то, что было до смерти Арена, и то, что началось после.

— Мам, ты помнишь, что происходило после аварии? — спросила Лея.

Мать замерла у чайника.

— Что именно?

— Проверки. Собеседования. Все эти официальные встречи, на которые тебя вызывали.

Мать медленно повернулась.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я работаю с документами транспортного узла № 7. Нашла несколько несоответствий в старом деле.

Мать поставила чашку на стол, не наливая в неё чай.

— Каких несоответствий?

Лея осторожно рассказала о том, что обнаружила. Не все подробности, а только основные факты: дополнительное свидетельство, совпадающий индекс технического журнала, команду, зарегистрированную в 21:16, и позднюю редакцию

заклучения.

Она не говорила, что кто-то намеренно изменил историю. Не обвиняла Управление согласования. Не упоминала, что доступ к истории изменений ограничили после её запросов.

Но даже этих сведений оказалось достаточно.

Мать слушала, не перебивая. Чем дальше говорила Лея, тем неподвижнее становилось её лицо. Когда рассказ закончился, она села напротив дочери и некоторое время смотрела на остывающий чай.

— И что ты собираешься делать? — спросила она.

— Пока не знаю. Мне нужно понять, что означает дополнительная запись и почему её исключили из дела.

— Ты уже обращалась в архив?

— Да.

— И что тебе ответили?

— Запрос отклонили.

Мать закрыла глаза.

Это движение было коротким, почти незаметным, но Лея сразу поняла: мать услышала не просто отказ. Она вспомнила что-то, о чём предпочитала не говорить.

— После смерти отца нас тоже вызывали на беседы, — произнесла она. — Сначала говорили, что это обычная проверка. Потом уточняли, с кем он общался, какие документы приносил домой, рассказывал ли о работе. Спрашивали, не замечали ли мы в его поведении ничего необычного.

Лея нахмурилась.

— Ты мне никогда не рассказывала.

— Ты была ребёнком.

— А сейчас?

Мать посмотрела на неё.

— Сейчас я всё ещё не хочу, чтобы ты проходила через то же самое.

Лея почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Я не обвиняю никого. Я просто пытаюсь разобраться.

— Я слышала, что ты сказала.

— Тогда почему ты так реагируешь?

Мать резко подняла голову.

— Потому что я уже видела, как это начинается!

Её голос прозвучал громче, чем она хотела. Терен в соседней комнате перестал печатать. Несколько секунд все молчало, затем мать понизила голос.

— Прости. Я не хотела кричать.

Лея осталась сидеть неподвижно.

— Расскажи мне, что произошло после аварии.

Мать долго молчала.

— Я не знаю, что именно ты хочешь услышать. Нам сообщили о гибели отца. Потом были документы, проверки, встречи. Люди приходили домой, задавали вопросы, просили подтвердить сведения. Некоторые вопросы повторялись несколько раз, словно предыдущие ответы не имели значения. Каждый раз говорили, что это необходимо для завершения процедуры.

— Они подозревали отца?

— Они ничего прямо не говорили. Не обвиняли его. Не утверждали, что он сделал что-то неправильно. Просто задавали вопросы, которые заставляли меня чувствовать, будто я должна доказать, что знаю о собственном муже всё, что положено знать.

Мать потёрла виски.

— Я пыталась отвечать спокойно. Я хотела, чтобы всё закончилось. Чтобы нам позволили жить дальше. У нас были ты и Терен. Я не могла тратить все силы на бесконечные разговоры с людьми, которые каждый раз приходили с новыми формами.

— Ты думаешь, отец что-то скрывал?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу и твёрдо.

Лея замолчала.

Мать посмотрела ей прямо в глаза.

— Я не говорю, что твой отец был виноват. Я никогда так не думала. Он был упрямым, иногда слишком доверял собственным выводам, но я не верю, что он намеренно причинил кому-то вред. И у меня нет причин считать, что он сделал что-то противозаконное.

— Тогда чего ты боишься?

Мать опустила взгляд.

— Что ты снова окажешься в ситуации, когда никто не обвиняет тебя прямо, но каждый твой шаг становится пово-

дом для новой проверки. Что тебя будут вызывать, задавать вопросы, требовать объяснений. Что ты потеряешь работу. Что Терен столкнётся с трудностями из-за того, что не имеет к этому никакого отношения.

Она произнесла имя сына особенно тихо.

— Я не хочу, чтобы он расплачивался за наши старые проблемы.

Лея посмотрела в сторону комнаты, где брат снова работал над анкетой.

— Я тоже этого не хочу.

— Тогда прекрати.

Слова повисли между ними.

Мать не произнесла их резко. Не приказала и не пригрозила. Она сказала это почти умоляюще, как человек, который давно устал бояться и больше не хочет возвращаться к прежней жизни.

— Просто оставь дело в покое, Лея. Ты не обязана исправлять всё, что кажется неправильным. У тебя есть работа, есть брат, есть будущее. Мы слишком долго пытались вернуться к обычной жизни, чтобы снова всё поставить под угрозу.

Лея почувствовала, что не может ответить сразу.

Она любила мать. Знала, сколько та пережила после смерти Арена, сколько сил потратила на то, чтобы сохранить дом, вырастить детей и не позволить прошлому поглотить их целиком. Мать не была трусихой. Она просто знала цену последствиям, которые Лея пока видела только в виде уведом-

лений и ограничений доступа.

Но просьба остановиться не могла уничтожить то, что Лея уже узнала.

Она могла закрыть блокнот. Перестать искать индексы. Не обращаться к закрытым фондам. Вернуться к обычной работе и позволить официальному заключению остаться последним словом об аварии.

Возможно, через несколько месяцев она перестала бы думать об этом каждый день.

Возможно, научилась бы жить с неизвестностью.

Но тогда она всегда помнила бы, что однажды увидела несоответствие и решила не выяснять его причину.

— Хорошо, — сказала Лея.

Мать подняла голову.

— Что?

— Я больше не буду обращаться к закрытым фондам. Не стану подавать новые запросы, пока не разберусь, какие последствия это может иметь для семьи.

Это было правдой.

Пока.

Мать внимательно посмотрела на неё, словно пыталась понять, действительно ли дочь согласилась.

— Ты обещаешь?

Лея выдержала её взгляд.

— Я обещаю не обращаться к закрытым фондам.

Она не обещала отказаться от поиска.

Мать медленно кивнула. Напряжение в её лице немного ослабло.

— Спасибо.

Лея почувствовала укол вины.

Она не солгала, но и не сказала всей правды. Это был первый компромисс, на который она пошла не ради работы и не ради доступа к документам, а ради близких.

Она обещала соблюдать границу, которую могла объяснить матери.

Но внутри уже понимала: остановиться окончательно не сможет.

Позднее, когда Терен ушёл спать, а мать закрылась в своей комнате, Лея осталась на кухне.

Она сидела в темноте, освещённая только небольшим светильником над столом. Перед ней лежал блокнот. На странице были записаны номера документов, даты, обозначение Н.Р. и краткое описание разговора с Севрой.

Лея открыла новую страницу.

Она не стала писать о своих подозрениях. Не стала составлять список возможных виновных. Вместо этого записала вопрос:

«Что из вещей отца сохранилось дома и может иметь отношение к его последней работе?»

Она остановилась.

Восемь лет семья хранила вещи Арена почти без изменений. Часть его инструментов до сих пор лежала в старом ме-

таллическом шкафу на балконе. Мать несколько раз собиралась разобрать его, но каждый раз откладывала. Сначала было слишком больно, потом не хватало времени, а позже содержимое шкафа просто стало частью дома — вещами, к которым никто не прикасался без необходимости.

Лея помнила этот шкаф.

Отец хранил там ключи, отвёртки, измерительные приборы, запасные детали и несколько старых механизмов, которые разбирал ради интереса. На нижней полке лежал деревянный ящик с инструментами, которыми он пользовался чаще всего.

Она не знала, сохранилось ли что-нибудь из его рабочих вещей после аварии. Но теперь впервые подумала, что там могло оказаться то, чего не было в архиве.

Не закрытый документ.

Не официальная запись.

Просто вещь, которую отец оставил дома.

Лея закрыла блокнот и поднялась.

На балконе было прохладно. За окном мерцали огни Невары, а вдалеке над транспортной линией медленно двигались световые сигналы. Металлический шкаф стоял у стены, покрытый тонким слоем пыли. На дверце сохранилась небольшая вмятина — отец однажды уронил на неё тяжёлый инструмент и долго ворчал, что теперь шкаф выглядит неаккуратно.

Лея провела ладонью по поверхности.

Замок не был заперт. Она открыла дверцу и включила переносной светильник.

Внутри всё лежало почти так, как она помнила. Набор ключей, коробка с крепежом, несколько кабелей, моток изоляционной ленты, старые защитные очки. На верхней полке стояла небольшая металлическая коробка с надписью, сделанной отцовским почерком: «Не выбрасывать. Может пригодиться».

Лея невольно улыбнулась.

Это было очень похоже на него.

Она достала коробку, поставила её на стол и начала разбирать содержимое. Там оказались несколько сломанных переключателей, обрывки проводов, детали старого измерительного прибора и маленькая пружина, которую отец когда-то обещал заменить в настенных часах.

Ничего необычного.

Она проверила нижнюю полку. Там лежали инструменты, которыми отец пользовался для диагностики оборудования. Некоторые были уже устаревшими, другие по-прежнему выглядели вполне рабочими. Лея осторожно вынимала их по одному, протирала от пыли и возвращала на место.

Она не знала, что ищет.

Именно поэтому старалась не превращать каждую вещь в возможное доказательство. Если она начнёт видеть скрытый смысл в любом предмете, то очень быстро найдёт то, что хочет найти, даже если этого там никогда не было.

На дне шкафа стоял небольшой деревянный ящик.

Лея выдвинула его и поставила рядом с коробкой. Внутри лежали измерительные приборы: металлический штангенциркуль, старый тестер, набор щупов и круглый механический индикатор в защитном футляре.

Она узнала индикатор.

Отец часто использовал его, когда проверял точность вращения деталей. Прибор был старым, с потёртым корпусом и тонкой стрелкой под стеклом. Лея помнила, как однажды он показывал ей, что даже почти незаметное отклонение может привести к серьёзной неисправности, если деталь вращается тысячи раз в минуту.

— Не смотри только на цифры, — говорил он тогда. — Сначала пойми, что именно измеряешь.

Она взяла прибор в руки.

Он оказался тяжелее, чем она помнила.

Лея нахмурилась, перевернула его и осмотрела корпус. На задней крышке имелись четыре небольших винта. Один был слегка потемневшим, остальные выглядели почти одинаково. На боковой поверхности сохранилась старая царапина, которую Лея помнила с детства.

Она осторожно покачала прибор.

Внутри ничего не звякнуло.

Возможно, ей просто казалось, что он стал тяжелее. Детские воспоминания редко сохраняли точные ощущения. Она могла не помнить настоящий вес прибора или путать его с

другим инструментом.

Лея положила его на стол и взяла второй измерительный прибор, чтобы сравнить. Затем снова подняла индикатор.

Разница ощущалась.

Небольшая, но заметная.

Она посмотрела на заднюю крышку, потом на винты.

Ей вспомнилась фраза, которую отец когда-то произнёс, когда они вместе разбирали сломанные часы:

«Если механизм работает неправильно, не пытайся сразу его чинить. Сначала выясни, что в нём изменилось».

Лея медленно провела пальцем по краю корпуса.

Она не знала, почему прибор стал тяжелее. Не знала, открывал ли отец его после последнего использования и не менял ли какую-нибудь деталь. Возможно, внутри просто находился металлический груз, необходимый для точности измерения. Возможно, это было обычное устройство, о котором она забыла.

Но впервые за много лет она посмотрела на старую вещь отца не как на память о нём, а как на механизм, устройство которого ей ещё предстояло понять.

Лея выключила светильник и закрыла дверцу шкафа.

Прибор она оставила на столе.

Она пока не собиралась его разбирать.

Сначала ей требовалось убедиться, что её ощущение не обманывает её.

Но этой ночью Лея впервые за долгое время почувствова-

ла не только страх перед тем, что может обнаружить.
Она почувствовала возможность найти ответ.
И это было опаснее любого запроса.

Глава 9. Последняя копия

Лея не смогла уснуть.

Старый измерительный прибор лежал на столе, среди отцовских инструментов, которые она не трогала годами. В тусклом свете настольной лампы его металлический корпус казался обычным, даже невзрачным. На боку сохранились мелкие царапины, возле крепления потемнела краска, а на шкале виднелись едва различимые деления. Отец пользовался им задолго до аварии, когда ещё работал на транспортном узле № 7 и иногда приносил домой детали, требовавшие проверки.

Лея помнила, как он объяснял ей, что измерительный прибор не должен убеждать человека в правильности результата. Его задача — показать величину. А уж почему она оказалась именно такой, следовало выяснять отдельно.

Тогда она была слишком мала, чтобы понять, зачем взрослые тратят столько времени на разницу между тем, что показывает шкала, и тем, что должно быть по инструкции.

Теперь эта разница не давала ей покоя.

Она подвинула лампу ближе и осмотрела корпус. На первый взгляд прибор не отличался от десятков других инструментов, которые хранились в мастерских транспортных служб. Однако задняя крышка сидела слишком плотно. Лея попробовала открыть её пальцами, затем взяла небольшую

отвёртку из старого набора.

Первый винт поддался не сразу. Второй оказался почти намертво зажат. Она работала медленно, стараясь не сорвать шлицы и не оставить на металле новых царапин. Ей казалось важным сохранить всё в том виде, в каком это оставил отец. Даже сейчас, когда она ещё не знала, что именно ищет, она боялась уничтожить какую-нибудь деталь, значение которой станет понятным лишь позже.

Крышка наконец отошла.

Под ней обнаружился механизм с несколькими тонкими пружинами, осью и небольшим диском, который, судя по устройству, компенсировал механическое смещение при измерении. Лея осторожно приподняла его, но ничего необычного не увидела. Она уже решила, что ошиблась, когда заметила под внутренней металлической перегородкой узкую щель.

В неё была вставлена тонкая пластина.

Она не выглядела частью механизма. Металл отличался по цвету, края были ровными, а на одном из углов виднелась небольшая выемка, позволявшая извлечь пластину, не повредив корпус. Кто-то предусмотрел возможность достать её и положить обратно.

Лея замерла.

Она несколько секунд просто смотрела на находку, пытаясь убедить себя, что должна сначала подумать, а потом действовать. Но любопытство оказалось сильнее осторожности.

Подцепив пластину пинцетом, она медленно вынула её из корпуса и положила на чистый лист бумаги.

На металле проступали мелкие символы.

В верхней части было выбито:

ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ № 7

Ниже стояла дата аварии.

Лея почувствовала, как напряглись пальцы.

Она сверила дату с той, что помнила по архивному делу. Совпадение было точным. Не приблизительным, не похожим — тем же самым числом, которое она видела в официальной карточке сотни раз.

Это ещё ничего не доказывало. Пластину можно было изготовить позднее. Дату можно было перенести из открытых документов. Даже сам прибор мог оказаться случайным хранилищем чужой записи, никак не связанной с отцом.

Но если он спрятал её сам, значит, у него была причина.

Лея повернула пластину под лампой. По поверхности шли ряды знаков, часть которых напоминала номера технических команд, а часть — условные обозначения. Они были нанесены не так, как современные записи Центрального архива. В нынешней системе любой технический журнал сопровождался цифровой подписью, контрольной суммой и ссылкой на исходный протокол. Здесь же встречались короткие буквенно-цифровые последовательности, разделённые точками и косыми чертами.

Она узнала обозначение узла, дату и несколько цифр, по-

хожих на время. Остальное оставалось непонятным.

Лея достала планшет и открыла обычные рабочие инструкции. Она искала по нескольким комбинациям, меняла порядок символов, пробовала сокращения, которые использовали технические службы до перехода на единый архивный формат. Результат был один и тот же: совпадений не находилось.

В инструкции по регистрации технических событий имелся раздел об устаревших форматах, но нужной последовательности там не было. Пластина, судя по всему, содержала код, который либо никогда не предназначался для рядового архивиста, либо был исключён из действующих справочников.

Лея откинулась на спинку стула.

В голове возникло лицо Кайрена. Спокойный взгляд, ровный голос, привычка не делать выводов раньше времени. Он не казался человеком, который стал бы намеренно уничтожать доказательства. Но он служил в Управлении согласования, а значит, даже его личные убеждения существовали внутри системы, чьи интересы он был обязан защищать.

Он мог помочь расшифровать запись. Мог проверить её подлинность. Мог и передать пластину руководству, прежде чем она успеет понять, что именно нашла.

Лея не знала, какой вариант вероятнее.

Она вспомнила его слова: если она ошибается, проблема тоже есть.

Тогда эта фраза показалась ей попыткой поставить её на место. Теперь в ней обнаруживалось другое значение. Кайрен действительно мог опасаться не только разоблачения системы, но и последствий ложного обвинения. Если она предъявит пластину как доказательство вмешательства в архив, а запись окажется неверно истолкована, всё расследование можно будет объявить недостоверным. И тогда даже настоящие расхождения снова исчезнут под тяжестью одной убедительно опровергнутой версии.

Ей требовалась проверка. Но сначала нужно было понять, что именно проверять.

Лея выключила планшет и снова посмотрела на пластину.

На её поверхности имелись царапины, не похожие на следы случайного хранения. Несколько линий проходили рядом с обозначениями времени. Она осторожно провела по ним подушечкой пальца. Металл был холодным, почти гладким. Возле края, где свет отражался под острым углом, обнаружилась надпись на обратной стороне.

Лея перевернула пластину.

Буквы были нанесены вручную — тонким инструментом, с небольшими неровностями. Они не выглядели частью заводской маркировки. Почерк был ей знаком, хотя она не сразу поняла почему.

Она наклонилась ближе.

«Если время не сходится, не исправляй его. Сначала выясни, кто решил, каким оно должно быть».

Лея перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Отец часто оставлял ей короткие записи на полях старых чертежей. Обычно это были технические замечания, напоминания или объяснения, которые он не успевал произнести вслух. Она помнила его почерк: чуть наклонённые буквы, длинная нижняя черта у некоторых согласных, привычка делать паузу перед последним словом. Надпись на пластине была выполнена так же.

Она провела пальцем по буквам, словно могла убедиться в их подлинности одним прикосновением.

В груди возникло тяжёлое, почти болезненное чувство.

Все эти годы ей говорили, что авария была расследована, обстоятельства установлены, документы приведены в соответствие, а смерть отца не имела отношения к каким-либо нарушениям. Ей говорили это не грубо и не жестоко. Напротив, с ней разговаривали терпеливо, объясняли, что после трагедий людям свойственно искать дополнительные причины, возвращаться к деталям и придавать случайностям особое значение.

Мать не спорила с официальным заключением, но и никогда не произносила, что полностью ему верит. Она просто старалась жить дальше.

Лея тоже старалась.

Теперь перед ней лежала вещь, которую отец спрятал так, чтобы её нельзя было случайно обнаружить при обычном

осмотре. Он сохранил запись, которую не удалось найти в архиве. Оставил предупреждение о времени и о том, кто определяет его правильность.

Он заметил расхождение.

И, судя по всему, считал его важным.

Лея почувствовала страх — ясный, холодный, почти привычный. Но впервые за всё время к нему примешалось нечто другое. Гнев.

Не тот, что заставляет кричать или бросаться обвинениями. Это был тихий гнев человека, который внезапно понял, что у него могли отнять не только ответ, но и само право задавать вопрос.

Если отец пытался сообщить о проблеме, кто его слушал? Если он передал сведения официальным путём, почему они не сохранились? Если же он решил спрятать запись, что заставило его отказаться от обычной процедуры?

Лея не знала, был ли он прав. Не знала, что именно обнаружил и кому мог помешать. Она не могла даже уверенно утверждать, что надпись была сделана в день аварии.

Но теперь у неё было не только архивное несоответствие.

У неё было вещественное доказательство того, что кто-то сохранил отдельную запись вне официальной цепочки документов.

И это меняло всё.

Она сфотографировала пластину с обеих сторон, положила рядом линейку, чтобы зафиксировать размеры, и записала

обстоятельства находки. Не называя её доказательством преступления, указала лишь то, что могла подтвердить: предмет найден внутри измерительного прибора, принадлежавшего отцу; на нём имеется маркировка транспортного узла № 7 и дата аварии; формат записи не соответствует доступным рабочим инструкциям.

Она несколько раз перечитала текст, убрала из него предположения и сохранила копию в личном зашифрованном хранилище. Саму пластину завернула в чистую бумагу и поместила в небольшую коробку, которую закрыла и убрала в ящик стола.

Когда она уже собиралась выключить лампу, взгляд снова упал на нижний край пластины.

Там, почти скрытый потёртостью, находился ещё один знак.

Две буквы с точками: Н.Р.

Лея медленно выпрямилась.

Она видела их раньше.

В бумажном каталоге, который показывала ей Севра Нол, эти же буквы стояли в записи о переводе старых материалов в специализированное хранилище. Тогда они не имели для неё определённого значения. Севра не смогла объяснить сокращение, а в доступных реестрах не нашлось ни полного названия, ни фамилии человека, который работал с документами.

Теперь «Н.Р.» стояло на металлической пластине, спря-

танной её отцом.

Два независимых следа сходились в одной точке.

Лея выключила свет, но ещё долго сидела в темноте, глядя на закрытый ящик.

Она пока не знала, что означали эти буквы. Не знала, существовало ли хранилище на самом деле и сохранились ли в нём исходные документы. Не знала, почему отец не оставил ей более ясного объяснения.

Но впервые за восемь лет у неё появилась причина считать, что его история не закончилась вместе с официальным заключением.

И что кто-то очень старался, чтобы она никогда не узнала продолжения.

Глава 10. Человек по другую сторону

На следующий день Лея пришла в Центральный архив раньше обычного.

Она почти не спала. Всякий раз, когда ей удавалось забиться хотя бы на несколько минут, перед глазами возникала металлическая пластина с выбитыми буквами и отцовской фразой на обратной стороне. Она пыталась рассуждать последовательно, как учил архивный регламент: отделять факт от предположения, подтверждённое от вероятного, источник от интерпретации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.